

Вл. Муравьев

ПЕРА-БОГАТЫРЬ С БЕРЕГОВ ЛУПЫ

Д е т и

Цена 21 коп.

Вл. Муравьев

ПЕРА-БОГАТЫРЬ С БЕРЕГОВ ЛУПЬИ

ПОВЕСТЬ

*по мотивам фольклора
народов коми*

Рисунки Н. Кочергина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1962

Имя легендарного богатыря Перы — героя старинных сказаний — знает и любит весь народ коми.

В повести Вл. Муравьева «Пера-богатырь с берегов Лупы» рассказывается о дальнем походе Перы, о его борьбе со злым племенем колдунов, захватившим земли, воды и леса народа коми, и о том, как Пера помог своим русским друзьям отразить набег врагов-ордынцев от русского города.

Повесть Вл. Муравьева написана по мотивам преданий о Пере-богатыре и многих других произведений фольклора народов коми, переработанных автором в единое художественное произведение.

Для среднего школьного возраста

Муравьев Владимир Брониславович

ПЕРА-БОГАТЫРЬ С БЕРЕГОВ ЛУПЫ

Ответственный редактор *Р. Д. Кафризляц*. Художественный редактор *А. В. Паница*.
Технические редакторы *М. А. Кулузова* и *Р. И. Прозоровская*. Корректор *Е. Б. Кай-
рукитис* и *М. Б. Шварц*.
Сдано в набор 14/VII 1962 г. Подписано к печати 22/VIII 1962 г. Формат 70×90^{1/8}.
Печ. л. 4. Усл. печ. л. 4,68 (Уч.-изд. л. 3,57). Тираж 30 000 экз. ТП 1962 № 492:
Цена брошюры 11 коп., цена в переплете № 5 21 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ № 3166.

В далекие, незапамятные времена на дальних землях, в той стороне, откуда восходит солнце, жили со своим народом коми три брата — Ошъяс, Мíзя и Кудым.

Были те места теплые, и земля там была плодородная, а пашни широкие.

Люди пахали поля и выращивали хлеб, ставили пасеки по цветущим лугам и разводили золотых пчел, а по веселым лиственным лесам собирали хмель. Всегда у них было вдоволь хлеба, меда и хмеля.

Но однажды дрогнули каменные горы. Седая пыль и тяжелые камни обрушились на теплые земли. Над широкими пашнями, над тихими селениями черной тучей и грозным вихрем пронесся крылатый змей Гундыр.

Тяжелые камни побили посевы на полях, грозный вихрь разметал пчел по лесам и сорвал крыши с домов. В страхе попадали люди на землю, не смея поднять голову и оглянуться вокруг. А когда перестал грохотать каменный дождь и утих грозный вихрь, прогремел, как раскаты грома, над теплыми землями голос Гундыра:

— Эй, люди, живущие на теплых землях! Почему неласково встречаете гостя? Много у вас хлеба, меда и хмеля, но не трону я ваше добро: ни ваших полных клетей, ни полных амбаров, — не такое нужно мне угощение. А как наступит ночь и взойдет луна, приведите мне трех юношей и трех девушек, пригоните стадо черных овец, и утром я их съем.

В молчании выслушали люди слова крылатого змея и еще ниже склонили голову.

А Гундыр опустился в долину, лег на шелковую мягкую траву и заснул.

Наступила ночь. Серебряная луна, открыв светлое лицо, пустилась в путь по небесной крутой дороге, и в долину, где спал Гундыр, пастухи пригнали два стада черных овец.

Утром проснулся крылатый змей. Раскрыл он один глаз и увидел стадо овец, раскрыл другой и увидел еще одно стадо овец, но ни одним, ни двумя глазами нигде не увидел он юношей и девушек.

Разгневался Гундыр:

— Эй, люди, почему вы не исполнили моего повеления, почему нет трех юношей и трех девушек?

Ответил ему Ошгъяс, старший среди трех братьев:

— Ни отцы, ни деды, ни далекие наши предки никогда не отдавали своих детей на съедение ни богам, ни диким зверям, и мы не отдадим тебе наших юношей и девушек.

Еще больше разгневался Гундыр и решил напустить на теплые земли черного коршуна.

Из-за черных гор прилетел коршун.

При каждом взмахе его огромных крыльев гремел гром, а из клюва у него вырывалось жаркое пламя.

Дыхнул коршун жарким пламенем и спалил дома и посевы, превратил их в дым-пепел.

Потом своими цепкими, огромными когтями подхватил

Ошъяса, его жену, детей и внуков, подхватил Мизю с женой и детьми, подхватил брата Ошъяса и Мизи — малолетнего мальчишку, несмышлениша Кудыма, и, поднявшись под облака, полетел с ними над горами и лесами, держа путь на заход солнца.

Далеко от родимых земель унес их черный коршун и опустил посреди чужого холодного леса.

Взмахнул коршун крыльями — поднялся ветер, и тревожно зашумели деревья; провел по земле толстым когтем глубокую борозду — и потекла по ней широкая река, преграждая путь назад.

Коршун улетел, а люди остались на берегу.

Бурлила река, шумел холодный чужой лес, а другой берег едва виднелся вдаль.

Затосковали братья.

Наступила ночь. Заснули усталые, испуганные жены и дети, но Ошъяс и Мизя не спали — невеселые думы отгоняли сон.

На другой день Ошъяс и Мизя принесли из чащи к берегу реки упавшие деревья, связали их тонкими ветвями в плот и спустили на воду.

Страшно плыть через бурную, широкую реку — не было таких рек в их родном краю, страшно утонуть в холодной воде, но в их сердцах звучал зов родины, и он заглушал голос страха.

Все взошли на плот. Ошъяс и Мизя оттолкнулись длинными шестами от берега, и поплыл плот по серым волнам.

...Поднялся Гундыр над разоренными теплыми землями и посмотрел в ту сторону, куда черный коршун унес Ошъяса, Мизю и Кудыма. Увидел он пустынные, холодные леса, увидел широкую реку, но не увидел он на ее берегах ни Ошъяса, ни Мизи, ни их жен, ни их детей, ни младшего их брата Кудыма.

Тогда Гундыр спросил серебряную луну:

— Ты всю ночь гуляла по небу и всю ночь смотрела на землю. Скажи, где укрылись Ошъяс и Мизя с женами и детьми и с братом Кудымом? Почему их нет в лесу, почему их нет на берегу реки?

Ничего не ответила серебряная луна, спряталась за облако.

Спросил Гундыр золотое солнце:

— Ты весь день ходишь по небу и весь день смотришь на землю. Скажи, где укрылись Ошъяс и Мизя с женами и детьми и с братом Кудымом?

Ничего не ответило солнце, только покатилося быстрее по своей небесной дорожке.

Тогда Гундыр послал на поиски братьев черного коршуна.

Взлетел черный коршун под облака и увидел, что братья Ошъяс, Мизя с женами, детьми и Кудымом идут через холмы и долины прямо на восход солнца, к родным землям.

Взмахнул коршун черными крыльями, заслонил солнечный свет, закрыл путь на восход солнца, схватил ослушников-беглецов в цепкие когти и понес их назад.

На этот раз коршун занес их еще дальше.

А чтобы братья не вздумали опять возвратиться, бросил коршун поперек пути, ведущего в теплые земли, перо из своего хвоста.

Там, где упало перо, поднялись высокие горы и покрылись непроходимым лесом.

Высокие поднялись горы, густые, бескрайние встали леса.

Когда коршун улетел, Ошъяс взял топор и начал прорубать в непроходимом лесу тропу на восход солнца, к родным землям.

Целый день валил он деревья и рубил цепкие кусты, а когда к ночи из усталых рук выпал топор, оглянулся Ошъяс назад. И увидел он, что за весь день прорубил тропу длиной в десять шагов.

На другой день взялся за топор Мизя.

Проложил Мизя тропу дальше еще на десять шагов.

Густы и широки леса — сто жизней надо, чтобы прорубить тропу из холодных лесов до теплых земель.

И остались братья жить там, куда занес их черный коршун.

*

Назывался народ Ошъяса, Мизи и Кудыма народом коми, потому и лесной безымянный край, куда занес их коршун, братья назвали «Комму», что значит: «Земля народа коми».

Среди густого леса на берегу реки они поставили шалаши из густых еловых ветвей, а с наступлением зимы вырыли себе жилища в земле.

Ошгъяс и Мизя сначала совсем было пали духом: испугали их дремучие леса без дорог и без троп, испугали черные болота, осенняя непогода и зимняя стужа.

Но не злой мачехой, а родной матушкой приняла Ошгъяса, Мизю и Кудыма лесная дальняя сторона.

Неплодородны студеные подкаменные земли, но на южных склонах холмов все же родила земля хлеб сам-пят.

Вырубили люди лес на ближнем холме, выкорчевали пни и распахали поле. Велик был труд, да невелико получилось поле.

На другой год свели лес на другом холме, распахали другое поле, на третий — третье...

Было в лесах много зверей: бобры и соболи, горностаи и лисы, белки и россомахи, олени и лоси, волки и медведи — и несчетно-невиданно разной птицы. Богатая добыча бывала и в осеннее и в зимнее лесованье.

Проложили люди охотничьи тропы, сначала в ближних лесах, потом в дальних.

Так прошло много лет.

Состарились Ошгъяс и Мизя, но выросли их дети и внуки и вырос их младший брат Кудым.

Состарились Ошгъяс и Мизя. Не столько годы состарили их, сколько заботы и нелегкий, непривычный охотничий труд. Бывало, иной раз не под силу становилось им гнать зверя по черному лесу да топким болотам, боязно было слышать хохот злых лесных духов, страшно из дому выйти, когда бог холодных ветров чуткоухий Войпель грозовой бурей крушит и ломает деревья в чаще.

А Кудым с малых лет рос среди леса. Всем сердцем любил он и дремучую темную тайгу — парму, и стройные сосновые боры — яги, и светлые березняки — расы. Звезды, солнце и деревья указывали ему путь в бездорожных чащах, лесные и водяные духи не пугали его, и не знал он устали ни в осеннем, ни в зимнем лесованье, ни в рыбном промысле.

Никого не страшась, охотился Кудым по всем лесам — и вблизи и вдали от родного селения. Бродил он по лесам, как могучий хозяин леса — медведь, и поэтому люди прозвали его «Кудым-Ош», что значит «Кудым-Медведь».

Однажды Кудым-Ош возвращался с охоты. Захотелось ему пить, и он спустился с высокого берега к светлой реке.

Наклонился Кудым-Ош над водой и увидел в спокойной воде свое отражение. Увидел он морщины на лбу, морщины у глаз и серебристую седину в густой бороде.

Зачерпнул Кудым-Ош воды, напился.

«Улетает молодость белым лебедем, близок вечер моей жизни...» — с грустью подумал Кудым-Ош, и припомнилась ему песня, которую пели умудренные жизнью старые женщины его народа:

О юноша, ты не знаешь,
Как быстро летит время.
Пятнадцать лет — начало,
Тридцать лет — середина жизни.

О юноша, знай, что одинокий —
Не человек, а всего лишь полчеловека.
Когда возмужаешь, не будь одинок:
Найди себе жену по сердцу —

Девушку, пронизанную солнцем,
Девушку с горячей кровью,
С блестящими, как мех бобра, волосами,
С глазами, как спелая черника.

И жена родит тебе сына.
Станет сын твоею опорой
В долгий холодный вечер
На длинной тропе твоей жизни.

С того дня стал задумчив Кудым-Ош. Все так же бродил он по лесам, но не было ему прежней удачи в охоте, потому что все время думал он об одном: думал о той неведомой девушке, которой суждено стать его женой, и о сыне, который стал бы ему опорой на длинной тропе жизни...

Спросил Кудым-Ош вещую птицу гагару:

— Скажи, белая гагара, где найти мне жену себе по нраву, где найти мне жену себе по сердцу, девушку, пронизанную

солнцем, с горячей малиновой кровью, с блестящими, как мех бобра, волосами, с глазами, как спелая черника, где найти мне жену, что родит мне сына, который станет моей опорой под вечер жизни?..

Белая гагара ответила:

— У великих камней Тоссемь и Ялтынь-нэра живет племя манси. У славного вождя этого племени, мудрого Ман-Ньяйсса есть дочь Хэсте, достойная стать твоей женой. Но на ней лежит великое проклятье... Разрушишь проклятье — будут у тебя жена и сын...

Вещая птица улетела, а Кудым-Ош в тот же день отправился в дальний путь — на восход солнца, к древним каменным горам, к великим камням Тоссемь и Ялтынь-нэра, туда, где жило племя манси.

*

День и ночь шел Кудым-Ош, кончалась одна тропа, начиналась другая. Над его головой пролетали тяжелые глухари, у ног скакали серые зайцы, белки бросали в него сверху шишками, а лисы, распушив горящие, как пламя, хвосты, глядели ему вслед из-под кустов. Но ни разу не снял Кудым-Ош с плеча лук, ни шагу не сделал в сторону от тропы в погоне за дичью.

Ранним утром вышел Кудым-Ош из лесу и увидел вдали паул¹ Ман-Ньяйсса. В лучах восходящего солнца розовели берестяные чумы.

Старый вождь Ман-Ньяйсс приветливо встретил пришельца, посадил его на мягкие шкуры, велел жене подбросить в костер березовых поленьев, велел варить угощение, потом спросил, что привело гостя к манси.

Сказал Кудым-Ош:

— Уже близок вечер моей жизни, а я одинок. Говорит наш народ, что одинокий человек — не человек, а всего лишь полчеловека. Нужно мне найти жену по нраву, жену по сердцу, чтобы родила она мне сына, который станет мне опорой в старости...

---

¹ Паул — мансийское поселение из нескольких чумов, которое ставили манси на стоянках во время кочевья.

— Правильно и мудро говорит твой народ, — промолвил Ман-Ньяысс.

А Кудым-Ош продолжал:

— Знаю, есть у тебя дочь Хэсте. Я пришел к тебе, чтобы просить ее в жены, и готов дать за нее большой выкуп.

Помрачнел Ман-Ньяысс, только покачал головой:

— Не ты первый пришел в наш паул просить в жены мою дочь. Но, увидя Хэсте, еще никто не согласился стать ее мужем. Лучше уходи из нашей тундры, не приноси в мой чум лишнего позора и горя.

Но Кудым-Ош ответил твердо:

— Клянусь самой страшной клятвой, что не принесу в твой чум позора и горя, клянусь, что женюсь на твоей дочери Хэсте и увезу ее к моему народу.

— Если так, приведите Хэсте! — сказал Ман-Ньяысс.

Две старые женщины ввели в чум девушку, укутанную с головы до ног узорчатым покрывалом из тонкой шкуры молодого оленка.

Робкими, неверными шагами Хэсте приблизилась к отцу.

Быстро шагнул ей навстречу Кудым-Ош и в нетерпении поднял покрывало.

Дрогнула рука Кудым-Оша, и покрывало упало на землю.

Тихо стало в чуме. Ни слова не смог вымолвить Кудым-Ош, молчала Хэсте. Только слышались в тишине тяжкие, горестные вздохи приведших Хэсте женщин и кукование далекой кукушки.

— Вот она, моя дочь Хэсте! — услышал Кудым-Ош печальный голос старого Ман-Ньяысса.

Даже дорогие одежды, отороченные соболями и расшитые красным и желтым бисером, не могли скрыть безобразия Хэсте.

Ужасное существо с круглым паучьим телом на длинных птичьих лапах стояло перед Кудым-Ошем. На лице Хэсте не было лба, а толстые губы огромного рта растянулись от уха до уха, щеки были желты, а сплюснутый нос красен. И только глаза Хэсте были прекрасны — в них светились доброта и печаль.

Кудым-Ош взглянул в прекрасные глаза Хэсте.

— Ман-Ньяысс, — воскликнул Кудым-Ош, — я беру в жены твою дочь!

Громко вскрикнула Хэсте при этих словах и закрыла лицо руками. А когда она опустила руки, то все увидели, что рядом с Кудым-Ошем стоит невиданная красавица, с блестящими, как мех бобра, волосами, сквозь ее смуглые щеки просвечивает малиновая кровь, а глаза блестят, как спелая черника, и светятся в них доброта и любовь.

— Друг Кудым-Ош! — сказал Ман-Ньяысс. — Ты разрушил завет Мейка¹. Пусть будет тебе Хэсте хорошей женой.

Дал Ман-Ньяысс Кудым-Ошу лучшую собачью упряжку, дал самую легкую нарту. Посадил Кудым-Ош на нарту красавицу Хэсте, и помчали их быстрые собаки за Камень², вслед заходящему солнцу...

А через год у Кудым-Оша и его жены красавицы Хэсте родился сын.

Мала оказалась ему люлька, что сплел для него Кудым-Ош из ивовых прутьев, узка новая отцовская рубашка из белого льняного холста. Положила Хэсте сына на лавку, и прогнулась под ним дубовая лавка.

Радостная весть понеслась по селениям: родился в Комму богатырь.

Дал Кудым-Ош сыну имя Пёра.

...Но недолго радовался Кудым-Ош: заболела и умерла его жена Хэсте.

Четырнадцать лет горевал Кудым-Ош, и днем и ночью, и засыпая и пробуждаясь ото сна, вспоминал он Хэсте.

А Пера рос стройный, как боровая сосна, красивый, как кедр, сильный и ловкий в лесованье, как его отец Кудым-Ош.

*

Широко расселился народ коми по лесам и рекам — от Иньвы до самых Каменных гор.

Шла молва о земле Комму, о ее богатствах — о драгоценных мехах, что добывают ее охотники, об обилии зверей и птиц

---

¹ Мейка — мансийское злое божество.

² Камень, или Каменные горы, — старинное название Уральского хребта.

в ее лесах и об обилии рыбы в ее водах — среди племен булгарских, и племен чудских, и северных племен печорских, за семь лесов вокруг, за семь рек, до самого Холодного моря.

А на черных скалах возле Холодного моря жило племя злых колдунов — тунов и колдуний — йом. Они не сеяли хлеба, не добывали зверя, только грабили проходящих и проплывающих. Когда-то были побережья Холодного моря богаты и многолюдны, но, с тех пор как поселились там туны и йомы, перестали туда заплывать корабли, перестали купцы ездить через черные скалы, ушли люди в леса, уплыли за моря, и край опустел.

Прослышали колдуны и колдуньи про богатства Комму, и разгорелись у них глаза на чужие меха, на чужие земли. Возликовало разбойничье племя и, покинув черные скалы, ринулось в Комму.

Пошел треск по темному лесу: это Яг-Морт — Лесной Человек, чье лицо до глаз заросло черными волосами, а глаза от злобы налиты кровью, — пробирался сквозь лес. Он шел и руками раздвигал вековые сосны, топтал, как траву, зеленые ели — ни дорог ему не нужно, ни тропинок.

Одноглазый леший Вёрса поднялся во весь свой рост — а был он ростом выше столетней сосны, — повернулся вокруг на своей вывороченной ноге, превратился в вихрь. Загудел он, закричал страшным голосом, от которого посыпались иглы с елей и пихт и, затрепетав, облетела листва с берез и осин, и понесся ветром над белой тундрой, над зеленой тайгой.

Нырнул в воду водяной Ва-Куль, взбаламутил все реки и ручьи, взволновал моря и поплыл под водой, разрывая по пути рыбацкие сети и топя плывущие лодки.

А у туна Пама ни силы Яг-Морта, ни мощи Вёрсы, ни власти над водой: мал, хил Пам, зато зол, завистлив и хитер. От вечной зависти и лютой злобы съел Пам свои собственные зубы, вырвал свои собственные волосы.

Испугался Пам, что без него разграбят Комму, заметался между скал, перевернулся через голову три раза навстречу солнцу и стал волком. Щелкнул волк зубами и побежал, оставляя шерсть с боков на смолистых стволах, на колючих кустах, перепрыгивая через кочки, подлезая под еловые лапы.

*Возле Холодного моря жило племя злых колдунов — тунов
и колдуний — йом.*

А вслед за Яг-Мортом, Вэрсой, Ва-Кулем и Памом по невидимым земным, водяным и воздушным тропам тронулось в путь все колдовское племя тунов и йом.

Не ждали такой напасти в Комму. Но едва лишь увидели люди орду чужеземцев с ножами и палицами, взяли они свои луки из крепкой крушины, и встретили воинственных пришельцев острые стрелы.

Остановились туны и йомы на другом берегу Иньвы, не решаясь под стрелами плыть через реку. Тогда нырнул под воду Ва-Куль и поплыл под зеленой волной.

Но вышел Кудым-Ош на крыльцо и произнес заклятье:

— Стой, вода текучая! Стой, волна зеленая! Держите Ва-Куля, не давайте ему переплыть реку.

Река в тот же миг перестала течь, а Ва-Куль остановился посреди реки, и длинные подводные травы опутали его ноги.

Понял он тогда, что заклятье Кудым-Оша сильнее его колдовской власти над водой, опустился на дно и лег как большой камень.

Увидели туны и йомы, что не захватить им земли и богатства Комму в открытом бою, увидели, что Кудым-Ош против их черного колдовства знает сильные слова и заклятья, и ушли в леса и болота.

Затаилось колдовское племя, ожидая своего часа.

*

Четырнадцать лет растил Кудым-Ош сына Перу и тосковал об умершей жене своей Хэсте.

На пятнадцатый год в один хмурый осенний день лесовал Кудым-Ош в дальнем лесу и набрел на лесную избушку, в которой жила молодая красавица йома Сизью. Как увидела йома Кудым-Оша, села у окна, стала расчесывать свои длинные черные волосы и запела:

То не заяц идет в петлю,
Не медведь идег в капкан,
То не волк лезет в яму,
Не лиса ищет стрелу, —
Идет ко мне Кудым-Ош,
Идет в сети к Сизью-йоме...

Был могуч и мудр Кудым-Ош. Не ведал он устали на охоте. Ходил на широких лыжах за диким зверем в дальние леса, одной рукой одолевал медведя, бывало, двух убитых лосей приносил из лесу на своих плечах. Знал он тайные лесные звериные тропы и небесные птичьи пути, знал он заветные слова и имел власть над лесом, и над водой, и над быстро бегущими ветрами.

Но околдовала Кудым-Оша красавица йома, потерял он свою былую силу, забыл заветные слова и заклатья. Одну только Сизью видел он, только ее слова слышал.

Привел Кудым-Ош Сизью в свой дом, назвал женой. Стала йома мачехой Пере.

Не видел Кудым-Ош, что беда, как осенняя мгла, опускается на край Комму и на его народ.

Не видел он, что вышли из лесов туны и йомы.

Не видел он, что тун Пам обманом и хитростью опутывает народ, забирая себе лучшие поля на южных склонах холмов; не видел, что пришельцы под покровом ночи грабят селения; не видел, что гонит охотников из лесу одноглазый Вэрса, а рыбаков от рыбных рек водяной Ва-Куль.

Не видел бед народа Кудым-Ош, не слышал его жалоб — слышал он тихие и ядовитые, змеинные слова Сизью.

Нашептывала йома Кудым-Ошу вкрадчивые слова, отнимающие силы и разум, нашептывала коварные слова. Говорила Сизью:

— Серебром в волосах твоих седина, камнями на ногах твоих годы — не ходи на осеннее лесованье, пошли в лес Перу. Ты стар, он молод. Ему будет больше удачи.

Послушал Кудым-Ош йому, и, когда пришла пора осеннего лесованья, отдал он сыну все свое охотничье снаряжение, отдал крепкий кремневый топор, отдал тугой лук и острые стрелы, отдал свой лаз — кожаную рубаху-безрукавку, надежно защищающую грудь и спину от дождя и ветра, и отдал свой большой берестяной пестерь¹ для богатой добычи.

Ушел Пера в дальние леса на промысел один, без Кудым-Оша.

---

¹ Пестерь — плетеная корзина.

А Сизью села у раскрытого окна и запела песню:

Ушел молодой медведь на охоту,
Остался старый медведь в берлоге.
Стар старый медведь,
Слеп старый медведь —
Нет у него силы в когтистой лапе,
Не видят охотника его старые глаза...

Слушал Кудым-Ош песню колдуньи и не понял ее тайного смысла, но зато, услышав, поняли ее Яг-Морт и Пам, Вэrsa и Ва-Куль.

Когда Кудым-Ош спал, подошли они к его дому с трех сторон.

Проснулся, увидел их Кудым-Ош — и увидел свою смерть. Но не хотел умирать Кудым-Ош.

Запер он дверь на крепкий засов, налил воды в деревянную липовую чашу и, подняв над водой руки, произнес заклинание:

Седой старик — далекое море,
Ты, у которого много прекрасных дочерей — рек
И несчетное число внуков — звенящих ручьев,
Вспомни про Кудым-Оша!

Так сказал Кудым-Ош, и из чаши голубыми ящерицами с треугольными головами поднялась вода. Хлынули потоки воды из дома, зашумел, забулрил поток по улице.

По колено в воде оказались враги. Но они все равно шли вперед.

Тогда Кудым-Ош произнес второе заклинание:

О мать облаков — Кымор-мам,
Утоляющая жажду земли,
Приди сюда,
Помоги мне!..

Поднялась вода вокруг дома Кудым-Оша, затопила поля, забулрила в рощах. По грудь в воде оказались враги и, устра-

шась, повернули назад. Но Яг-Морт успел ступить на крыльцо Кудым-Оша.

Тогда произнес Кудым-Ош третье заклинание:

Отец льдистых гор,
Живущий на мрачном севере,
Сойди сюда — тебя зову я!..

Поднялись волны выше деревьев, понесли они прочь от дома Кудым-Оша его врагов. Но Яг-Морт уже сбил засов и открыл резную дверь дома Кудым-Оша.

— Будь дом о трех углах, — сказал Яг-Морт, — будь о двух углах, будь об одном углу!

И в последнем углу настиг Яг-Морт Кудым-Оша.

Поднял Яг-Морт тяжелый топор, и спала вода.

Занес Яг-Морт железный топор над седой головой Кудым-Оша, и стало воды в рощах и полях по пояс.

Ударил Яг-Морт топором по седой голове Кудым-Оша, и ушла вся вода в русло бурливой Иньвы.

Ушла вода в Иньву, и расстелились берега желтым песком.

Зажал Кудым-Ош ладонью рану в голове, выбежал из дома на крыльцо, и словно пелена спала с его глаз, словно рассеялся густой туман — увидел он милый край Комму, погруженный в осеннюю мглу бед и несчастий, и в тоске крикнул:

— Народ мой, нет у меня сил побороть злых пришельцев с черных скал!..

Лег Кудым-Ош в глубокий овраг на берегу Иньвы и воззвал к некогда послушным ему ветрам:

— Буйные вихри, могучие ветры, поднимите землю в небо и засыпьте бесславную мою могилу!..

Поднялись вихри и засыпали могилу Кудым-Оша песком и землей.

Так погиб Кудым-Ош.

Закружились птицы над могилой Кудым-Оша, над головами его врагов.

Сказал Яг-Морт:

— Убили мы старого медведя, но не знать нам покоя, пока не уьем молодого. Вырастет Пера, и будет он сильнее и

мудрей своего отца и тогда изгонит нас из богатой земли Комму. Надо найти Перу в лесу и убить его.

Пролетавшие мимо сороки подхватили слова Яг-Морта:

— Хочет Яг-Морт убить Перу, а не то вырастет Пера и станет сильнее и мудрей отца своего Кудым-Оша...

— Кыш, поганые уши! — закричали туны и йомы.

— И тогда изгонит он из богатой земли Комму злых пришельцев-колдунов! — прострекотали сороки и улетели.

Кинулась Сизью искать Перу, подбежала к лесу — не знает, куда дальше идти, где охотничья тропа Перы.

— Где тропа?

— Травой заросла.

— А где трава?

— Заяц потоптал.

— А где заяц?

— В ловушку попался.

— А где ловушка?

— Огонь сжег.

— А где огонь?

— Вода погасила.

— А где вода?

— Ручьем утекла...

— Эй, туны и йомы! — крикнула Сизью. — Ищите, по какой тропе бродит Пера!

Но никто не смог вернуть убежавшую волну, никто не смог отыскать пропавшую тропу.

Позвала Сизью самого сильного, самого большого туна и сказала ему:

— Ты превратишься в медведя и будешь бродить по лесам, пока не растерзаешь Перу в клочки, величиной с рукавичные шкурки.

Перекувырнулся тун через голову навстречу солнцу и превратился в огромного медведя, зарычал и убежал в темную чашу.

*

Без удачи лесовал на этот раз Пера: погнался он за лосем — лось ушел; поднял зайца — убежал заяц; белки в густом

кедровнике попрятались, рябчики укрылись в частом сосняке. Тяжела пустая котомка, невесел бездобычный день.

«Никогда не возвращался отец из лесу с пустой котомкой, — подумал Пера, — и мне не к лицу возвращаться домой без добычи».

Пошел Пера дальше.

Долго кружил он по густым таежным зарослям, по сосновым борам, по березнякам-мелколесью, пробирался по болотам и бурелому. Солнце скрылось за тучи, месяц на небо не вышел. Пера сбился с пути, впервые в жизни заплутался в лесу.

Снял он с плеча пустую котомку, положил на мягкий мох. а сам, распугивая белок, полез на высокую сосну.

Залез он высоко-высоко, на самую вершину: протяни руку — и коснешься облаков, а длинной палкой и до месяца дотянешься без труда.

Оглянулся Пера вокруг: в какой же стороне Иньва, где дом родимый?

Высоко выросла сосна, далеко с нее видать, да ничего не увидел Пера: все вокруг окутал белый туман.

И тогда сжала его сердце тоска.

Тихо спустился Пера с высокой сосны и побрел дальше.

Бредет он, бредет, нога за ногу заплетается, вдруг видит: сидит на спаленном молнией дубе, на горелом суку, столетний ворон.

— Скажи, ворон, в какую сторону мне идти, где дорога к родимому дому?

Взмахнул черными крыльями ворон и проговорил:

— Нет теперь у тебя родного дома. Йома Сизью погубила отца твоего — славного Кудым-Оша, рыщут туны и йомы по лесам и болотам, хотят и тебя погубить.

Опустил голову Пера и тихо сказал:

— Что же мне делать теперь, черный ворон? Будь мне советчиком...

Ответил ворон, который знал, что было сто лет назад и что будет сто лет наперед:

— Не по силам тебе, Пера, сейчас сражение с врагами. Уходи из родной земли, укройся на чужой стороне, в недоступных тунам и йомам местах. А когда возмужаешь, укрепишь

разум и обретишь богатырскую силу, тогда возвращайся назад сразиться с врагами народа Комму.

Выслушал Пера слова ворона, а потом спросил:

— Куда же идти мне, мудрая птица? Где та сторона, которая недоступна хитрым тунам и всеведущим йомам?

Ответил ворон:

— Иди на восход солнца через леса и реки к высоким Каменным горам, где над миром высоко вознеслось каменное гнездо ветров — Товпозиз и где живет их повелитель чуткоухий Войпель. Лишь туда нет пути пришельцам с черных морских скал. В суровом краю ветров укроешься ты от них. Там тебя ждут великие испытания, но, преодолев их, ты обретишь богатырскую силу, возмужаешь и станешь сильнее своего отца — славного Кудым-Оша.

*

Далеки высокие Каменные горы, далек Товпозиз — каменное гнездо ветров, далек суровый край повелителя ветров чуткоухого Войпеля.

Лежит туда путь через земли племен печорских, через земли племен югорских. Густы на том пути ельники, широки болота, глубоки овраги, высоки горы. Лежит путь через леса, куда и в полдень не проникает солнечный луч и где не веселится сердце; лежит путь через чащи, куда не смеют ходить даже самые смелые охотники и где стаями бродят хищные звери. Лежит путь в Товпозиз через глухие болота, где разделяются реки и ручьи, где пересекаются невидимые тропы.

Еще ни один человек не пускался в тот путь по доброй воле, а пустившись в него, не возвращался назад.

Вот какой путь суждено было пройти Пере.

Шел Пера по родной земле Комму.

Широко расселился народ Кудым-Оша по лесам и рекам. То деревня на пути Перы, то лесная охотничья избушка — вёр-керка, то охотничья тропа, то ржаное поле, то рыбная — с вершами и мёрдами — тоня.

Шел Пера по родной, милой сердцу земле Комму. Шел и прощался с ней.

Шел он сосновым бором, и казалось ему, что нигде на свете

нет сосен стройнее; шел он через березняк, и казалось ему, что нигде на свете нет березняка ласковее; шел по берегам рек и ручьев, и казалось ему, что нигде на свете нет вод светлее. Мила сердцу, хороша родная земля!

И вот вышел Пера на берег реки, что текла через леса и луга.

Бежит быстротекущая река, журчит прохладная вода. Плещутся в ней серые утки, играют серебряные рыбы. И растут на зеленых берегах белые березы.

Умылся Пера речной чистой водой, в которой плещутся лишь птицы и играют рыбы, смыл сор лесной с лица, смыл усталость и лег на мягкую траву под березой, недалеко от песчаного берега.

Вдруг Пера услышал веселый девичий смех, услышал звонкую девичью песню и увидел, как на желтый песчаный берег вышли из зеленого березняка двенадцать девушек, одна другой краше.

А одна девушка — в голубом сарафане, в белой рубашке с алыми рукавами, в чудских лапчатых сережках со светлым камнем, в янтарных солнечных бусах — всех краше.

Была девушка так красива, что и в сказке про ее красоту не рассказать, и во сне такой красоты не увидеть, а уж наяву-то хоть всю жизнь ищи, другой такой девушки нигде не повстречаешь.

Взглянул на нее Пера и не смог отвести глаз.

Стали девушки купаться.

Долго они плавали и играли в прохладной воде. Потом одиннадцать девушек вышли на берег, а двенадцатая, та, что была всех краше, что была бела, как пена у камня на светлой быстрине, все еще плескалась в воде, и за ней плыла-извивалась, словно черная струя, ее длинная темная коса.

— Рáйда, выходи скорее! — позвали ее девушки с берега.

— Нет, подруженьки, — ответила им Райда, — я не накупалась еще, не наплавалась.

— Домой пора, — сказали девушки, — если поздно придем, нас матери забранят.

— А меня отец не будет бранить. Идите, подруженьки, домой без меня.

Ушли девушки.

Скрылось солнце за лесом, и потемнели серебряные волны. Тогда вышла Райда из воды. Надела она свою белую рубашку с алыми рукавами, надела голубой сарафан, надела бусы и села на прибрежный камень сушить на ветру свою черную косу.

Не заметила Райда, как подошел к ней Пера, а когда обернулась, увидела его, зарделась, опустила вниз глаза и воскликнула в страхе и в смущении:

— Откуда ты взялся, парень? Налетел, будто сокол на лебедь. Уходи отсюда, не смущай, не пугай меня...

Поклонился Пера Райде до земли и ласково проговорил:

— Ты прости меня, Райда — лесной цветок, если что не так скажу. Как увидел тебя — забыл обо всем, только и смотрел бы на твою красоту. Не разбойник я и не враг тебе, белой лебеди, полюбил я тебя на всю жизнь. Если пойдешь за меня замуж, буду тебе верной защитой от бед и горя.

Подняла Райда глаза, улыбнулась, сильно забилося ее сердце от ласковых слов Перы.

— Ох, парень, — сказала она, — упал ты как снег среди лета на мою молодую голову. Не ждала я тебя, не знала, ни от кого о тебе не слыхивала.

— Я сын Кудым-Оша, а зовут меня Пера. Гонит меня из родного края великая нужда: не в честном бою, а подлой хитростью погубили туны и йомы отца моего и теперь меня ищут, хотят тоже убить.

Вздыхнула Райда:

— Слыхала я о Кудым-Оше, слыхала о беде, постигшей наш милый край — землю Комму. Говорят мудрые старики, что скоро и в наши селения придут беды и напасти, что скоро и до нас доберутся пришельцы с черных скал, и наступят для нас горькие дни.

— Иду я в Товпозиз — каменное гнездо ветров, — продолжал Пера. — Недоступны те дальние места колдовскому племени. Там наберусь я богатырской силы и тогда вернусь в родной край...

— Нет, не уходи, Пера, в Товпозиз — ведь погибнешь ты в дальнем тяжком пути, не вернешься! — со страхом

Подняла Райда глаза, улыбнулась, сильно забилося ее сердце...

воскликнула Райда. — Останься в родном краю. Глухи наши леса, мы спрячемся от злых врагов в лесной избушке моего отца Бурморта.

Обняла Райда Перу, крепко прижалась к его груди.

*

Отец Райды, старый охотник Бурморт, долго жил, много видел. Прожил он молодые годы. Молодая жизнь — молодая радость. Прожил он зрелые годы. Зрелые годы — середина жизни: работа да лесованье. Дожил он до старости. Старые годы — мудрые мысли.

Сказал Бурморт Райде и Пере:

— Да будет на вас благословение неба и земли, воды и леса. Пусть будет вам столько добра от неба, сколько звезд на небе. Пусть будет вам столько добра от земли, сколько на ней зеленой травы, столько добра от воды, сколько в реках и озерах рыбы, столько добра от леса, сколько в нем птицы...

А ночью Бурморт разбудил Перу и позвал из избушки на крыльцо.

Сказал старый охотник Бурморт:

— Слушай и смотри, Пера.

Стал Пера чутким ухом слушать ночь.

Услышал он шум воды и сказал:

— Слышу, река течет.

Но Бурморт печально покачал головой:

— Это не река течет, а льются слезы.

Снова прислушался Пера и услышал вздохи леса.

— Слышу я вздохи леса, — сказал он.

Но Бурморт печально покачал головой:

— Это не лес стонет, а стонут люди.

Посмотрел Пера на небо и увидел черную тучу, гасящую звезды.

— Вижу я черную тучу, гасящую звезды, — сказал он.

Но с тяжким вздохом покачал головой старый Бурморт:

— Это не туча, а черное горе народа Комму видишь ты, Пера. Принесли это горе народу пришельцы с черных скал, и неведомо, сколько будет стоять эта туча над нашим краем...

Умолк Бурморт.

Поклонился старому охотнику Пера:

— Вижу, Бурморт, не время мне миловаться с невестой, не честь прятаться в твоей лесной избушке... Будет мне радость не в радость и веселье не в веселье, пока не вернется радость и веселье ко всему народу коми.

Едва занялась утренняя заря, Пера вышел в путь.

Прощался Пера с Райдой в сосновом бору, прощался в светлом березняке, в шелестящем осиннике, прощался под белой черемухой, под раскидистой рябиной, возле быстрой речки на сыпучем песчаном берегу...

Плакала Райда:

— Мой любимый жених, красивый, как солнце, сильный, как лось! Словами мягкими, как заячий пух, словами сладкими, как спелая малина, выманил ты сердце мое девичье и уносишь с собой далеко. Как жить мне без сердца, как жить мне без милого? Буду ждать я тебя дни и ночи. Прилети ко мне птицей соколом, загляни ко мне в окошко ясным солнышком...

Сладко встречаться у белой березы, горько расставаться под серой осинкой!

Идет Пера, а вослед ему летит печальная песня Райды:

Была у меня алая лента,
Да потеряла я ее в землянике.
Была у меня синяя лента,
Да потеряла я ее в бору среди черники.
Была у меня желтая лента,
Да потеряла я ее на болоте в морошке.
Была у меня черная лента,
Да потеряла я ее в темном лесу.
Был у меня милый друг,
Да ушел он в чужую сторону.

...Вот и конец земли Комму. Дальше идут леса племени манси.

Вышел Пера на край леса и оглянулся назад, на родную землю.

В одной стороне стеной стоит зеленый лес, в другой расстилается болото. Сияет солнце в небе, звенит лес птичьим щебе-

том, с ягодных полян слышится ласковая девичья песня, над вершинами елей поднимается к небу легкий дымок охотничьего костра, а на болоте цветут-доцветают белым цветом брусника и клюква.

Как мила, как дорога ты сердцу, родная сторона!

Низко поклонился Пера родной земле и вступил в мансийские леса, на землю племен югорских.

*

Приветом встречали Перу в мансийских паулах, угощали вкусно, спать укладывали мягко.

Но не для того, чтобы сладко есть и мягко спать, покинул Пера родную сторону.

Спросил Пера:

— Что могут и чего не могут храбрые охотники манси?

Ответили ему:

— Могут храбрые охотники манси попасть стрелой белке в глаз, могут на лыжах догнать сохатого, иные могут изловить быструю рысь не хитрой петлей, а крепкой рукой. Но не могут наши охотники одолеть косолапого Хозяина земляного дома, что появился недавно в наших лесах.

— Вы про медведя говорите, что ли? — спросил Пера.

— Молчи, не называй его, не накликай на себя и на всех нас беду. Вдруг услышит он и придет сюда. Огромен он, как гора, силен, как вода. Залег он в берлоге на пути к Каменным горам и не пропускает никого через лес. Немало охотников разорвал он в клочья, величиной с рукавичные шкурки.

Сказал Пера:

— И я могу попасть белке стрелой в глаз, и я могу догнать на своих лыжах сохатого, и с рысью приходилось мне встречаться на лесной тропе. А теперь придется помериться силой с Хозяином земляного дома, что стоит на моем пути.

Указали Пера дорогу к берлоге Хозяина земляного дома, и вызвался быть Пера товарищем молодой мансийский охотник Яча.

С малых лет был Яча хорошим охотником: когда выходил он на охоту, то не пропускал мимо ни одного зверя, бегущего по земле, ни одной птицы, летящей в воздухе.

— Ампа! Ампа! — кликнул Яча собаку. Какая же охота без собаки!

И на зов прибежала остроухая собака Ячи — Ампа.

Идут по лесу Пера и Яча, бежит, шурша опавшей листвой, Ампа.

Вдруг впереди послышался шум. Стали охотники за деревьями — смотрят и слушают.

А под елью два лося — старый и молодой — ведут разговор.

Говорит старый лось:

— Внучек, внучек, дорогой мой внучек! В этом глухом дремучем лесу прожили мы с тобой всю холодную снеговую зиму и все жаркое длинное, все комариное лето. Но кончается наше привольное житье: у людей наступает время осеннего лесованья. Рано поутру, когда начнет восходить над лесом золотистое, с золотыми волосами солнце, по густой траве подкрадется к нам сильный человек — не знающий промаха охотник. Бойся его, внучек, бойся!

Но засмеялся никогда не выдававший охотника лосенок:

— Дедушка, дедушка, дорогой мой дедушка! Рано поутру, когда начнет восходить над лесом золотистое, с золотыми волосами солнце, не испугаюсь я крадущегося по густой траве сильного человека-охотника.

Сердито сказал старый лось:

— Не хвались, внучек! Ноги у тебя слабы, бегать ты не умеешь. Вот я не боюсь человека: ударю я его своими крепкими рогами, затопчу крепкими копытами, на своих сильных ногах убегу от него на самый дальний, самый северный конец Каменных гор. Никого нет сильнее и быстрее меня.

Пера и Яча начали осторожно подкрадываться к лосям, и лосенок услышал их:

— Дедушка, дедушка, мой могучий дедушка, что-то там шуршит в густой траве!..

Прислушался старый лось:

— Внучек, внучек, совсем близко слышу я, как шуршит листва под ногами охотника, подкрадывается к нам человек. Бежим скорее!

Побежали лоси: старый лось на своих сильных ногах, а лосенок — на слабых.

Погнался Яча за старым лосем, на бегу натянул лук, зазвенела тетива, полетела стрела с наконечником, граненым, как клюв ворона, просвистела у него между рогов и вонзилась перед ним в землю. Остановился лось, а Яча сказал:

— Не хвастайся, старик: стрела, сделанная руками человека, быстрее тебя...

После двух дней пути пришли Пера и Яча в заповедный лес, к берлогу Хозяина земляного дома.

Тишина стояла в лесу. Тихо шли между деревьями Пера и Яча. Тихо, поджав хвост и припадая к земле, крались за ними Ампя: она чувала близость могучего зверя.

В самой глухой, в самой дремучей чаще залег Хозяин земляного дома, на скрещении звериных троп и птичьих небесных дорог. Никто не мог миновать его леса на пути к Каменным горам.

Когда стояло жаркое длинное лето, были леса богаты ягодами, были леса богаты шишками, была богата река рыбой, а травянистые болота гусями и утками. Но пришло длинное комариное лето, с каждым днем становилось холодней.

Тогда нашел косматый зверь теплый бор, стоящий против солнца, нашел солнечную опушку и залег в глубокой берлоге. Он положил одну широкую лапу под голову и прикрылся другой широкой лапой.

Заснул он вполглаза: один его глаз так крепко спит, что хоть шею руби, а другой глаз глядит, что делается вокруг.

Заснул он вполуха: одно его ухо так крепко спит, что хоть шею руби, а другое ухо слушает каждый шорох.

Заснул он вполноздри: одна ноздря так крепко спит, что хоть шею руби, а другая ноздря каждый запах чувствует.

Неслышно приблизился Пера к медвежьей берлоге, но унюхал, услышал, увидел его Хозяин земляного дома. Поднялся могучий зверь, заслонил широкой косматой спиной белый свет, прыгнул в сторону на три своих роста.

Пустил Пера стрелу из лука — вонзилась стрела выше сердца, метнул копьё — вонзилось копьё ниже сердца.

Заревел Хозяин земляного дома:

— Давно я тебя поджидаю здесь, Пера! Ушел ты от Яг-Морта, а от меня не уйдешь!

Вторым ударом распорол Пера медвежье брюхо...

Налились кровью медвежьи глаза, раскрыл медведь пасть и с ревом пошел на Перу.

От того рева оглох Яча и выронил лук. Упал Яча в мягкий белый мох, зашептал:

— Дедушка могучий зверь, не держу я в мыслях убить тебя, не рви ты меня в клочья...

А Пера выхватил правой рукой из-за пояса острый нож, левой рукой прикрыл голову. Не стал Пера прятаться за дерево от свирепого зверя — от туна, ставшего медведем.

Вонзил Пера острый нож в страшную медвежью голову, чуть повыше уха, — перевернулся белый свет в медвежьей голове, словно наелся Хозяин земляного дома пьянящих мухоморов.

Вторым ударом распорол Пера медвежье брюхо, и упал Хозяин земляного дома бездыханным.

Ушла душа из медвежьего сердца и из медвежьей печени, и вернулся слух и вернулась сила к охотнику Яче.

Сказал Яча Пере:

— Ты сильный охотник, Пера. Никто не мог одолеть Хозяина земляного дома, немало охотников разорвал он в клочья, величиной с рукавичные шкурки, а ты сладил с ним.

У входа в берлогу раздели Пера с Ячей Хозяина земляного дома, сняли с него его косматую шкуру, оставив, по обычаю предков, нетронутыми голову и передние лапы, и, как велит обычай, с громкими криками понесли шкуру и мясо в паул.

Быстрее ветра разнеслась по таежным и тундровым селениям весть об удачной охоте.

— Не сердись на нас, Лесной старик, — сказали люди, — мы воздадим тебе великие почести, будем петь и плясать, и пусть твоя тень веселится вместе с нами. Кара-кийя!

И убитый он оставался для них могучим Лесным Хозяином.

— Кара-кийя! Кара-кийя! Кара-кийя! — кричали все, а шаман бил в бубен.

Семь радостных, семь светлых ночей продолжался праздник, веселый праздник, с веселой пляской ног, с веселой пляской рук.

Но вдруг страшный шум заглушил звуки песен. Это при-

летели в мансийский край со снежных северных равнин холодные ветры и принесли зиму. Буйные вихри закружились вокруг селений, затрепетали огни в очагах, тоскливо завывали собаки. Умолкли люди в чумах, слушая завывание ветра, и веселье ушло от них.

Тяжела долгая снеговая зима. Не знают мороз и холодные ветры жалости ни к людям, ни к зверям, ни к птицам.

Пронеслись над лесами холодные ветры и, заронив в сердца людей печальные думы, вернулись к Великим каменным горам, в свое каменное гнездо Товпозиз, в тот край, куда лежал путь Перу.

Густы на том пути ельники, широки болота, глубоки овраги, высоки горы.

*

Но прошел Пера земли племен печорских и племен югорских. Прошел густые ельники и топкие болота, глубокие овраги и высокие горы.

Прошел Пера те леса, куда и в полдень не проникает солнечный луч и где не веселится сердце; прошел чащи, куда даже самые смелые охотники не смеют ходить и где стаями бродят хищные звери; прошел глухие болота, где разделяются реки и ручьи и где пересекаются невидимые тропы.

Все прошел Пера и вышел к Великим каменным горам, к высоко вознесенному над землей каменному гнезду ветров — Товпозизу, туда, где обитают ветры и их повелитель — грозный северный ветер чуткоухий Войпель.

Тихо было у Каменных гор, только слышался шорох падающих с неба редких снежинок. Спали ветры в своем каменном гнезде, дремал чуткоухий Войпель, не ждали они гостя, и никто не заметил человека.

Остановился Пера среди каменной долины у подножия гор и, нарушив тишину, запел.

Тотчас же загудел в каменных долинах ветер, белые вихри поднялись над вершинами, и густой колючий снег осыпал Перу.

Гудел ветер, заглушая песню человека, снег слепил глаза, вихрь перехватывал дыхание, но Пера пел все громче и громче.

Тогда из-за седых камней вышел угрюмый и белый, как зима, старик. Угрюмо посмотрел он из-под густых косматых бровей холодными, цвета векового льда, глазами на Перу и спросил:

— Как осмелился ты, человек, шуметь возле моего жилища?

И Пера понял, что это сам хозяин Каменных гор — повелитель ветров, грозный северный ветер чуткоухий Войпель встречает его на пороге своей страны.

Без страха взглянул Пера в его холодные, сверкающие из-под косматых бровей глаза.

— Я пришел к тебе из страны Комму, которой овладело злое племя колдунов, — ответил Пера, — и прошу тебя, чуткоухий Войпель, укрой меня в своем краю, пока я не возмужаю настолько, чтобы сразиться с ними и победить их. Ведь только край ветров недоступен тунам и йомам.

Неласково смотрел Войпель на Перу, суров был его ответ:

— Ты прав: только край ветров закрыт для злого племени колдунов, здесь они не достигнут тебя. Но тяжел путь возмужания в суровом моем краю. Видишь вокруг ледяные глыбы — они тоже когда-то были людьми. Вот этот хотел быть богатырем, чтобы властвовать над своим племенем, а этот — чтобы завоевать соседние земли, вон того сюда привела любовь к золоту, а того — ненависть к людям... Холодные ветры и вихри выморозили из их сердец все желания, и тогда их сердца остановились. Эта долина называется Долиной Ста Сердец. Но слышишь, какая тут стоит тишина: ни одно из ста сердец не бьется...

Войпель замолчал.

Прислушался Пера и слышит: стучит сердце, одно сердце, его сердце. И он сказал тихо и твердо:

— Я готов к испытаниям, грозный повелитель ветров. Пусть не будет мне радости и веселья в жизни, пока не верну я радость и веселье моему народу коми.

Еще страшнее загудел ветер в каменных долинах, еще выше поднялись над вершинами белые вихри, еще гуще полетел снег на плечи и на голову Перы.

От этого ветра останавливались человеческие сердца, стыла кровь в жилах, мерк свет в глазах.

Но стоял Пера среди вихрей, стоял под снегом, не закрывая лица. А в сердце его, как солнце, пылала мечта о свободной и любимой земле Комму.

Тогда Войпель поднял вверх одну косматую бровь — и перестали крутиться белые вихри, перестал валить белый снег.

Сказал Войпель:

— Нет в твоём сердце страха, злые думы не туманят твою голову. Горит в твоём сердце любовь к Комму, и любовь эта, может быть, сильнее моих холодных ветров и вихрей.

Так остался Пера в суровом краю ветров.

Наступила ночь. Со всех концов земли — из-за дальних лесов, из-за рек и морей слетались в свое каменное гнездо ветры. На своих невидимых крыльях они принесли в Товпозиз шум лесов, плеск вод, голоса людей.

Всю ночь Пера не сомкнул глаз, слушая голоса мира.

И он услышал Комму. Услышал так, как слышал голос родной земли на пороге лесной избушки — вёр-керка — старого охотника Бурморта. Он слышал шум льющих слез, слышал стоны и плач, и перед его взором колыхалась огромная черная туча — горе народа Комму.

На рассвете, едва стала рассеиваться белая мгла и глаз смог отличить небо от земли и горы от пропастей, Пера увидел, что перед ним на скале стоит белый Войпель.

— Иди за мной, — сказал Войпель и ступил на невидимую тропу, что вела из каменной долины в горы.

Заметена тропа глубокими снегами, завалена ледяными скалами — не для человеческих ног проложена она. Но Пера поднялся и пошел за Войпелем, взметая снежную пыль, карабкаясь по синему льду.

Войпель привел его на вершину горы.

— Видишь, человек, со всех сторон мой край окружают горы, они крепки и несокрушимы, они одни во всем мире сильнее всякого колдовства и заклятий. Только тот, кто будет обладать силой гор, победит злое племя колдунов...

— В чем же сила Каменных гор? — спросил Пера.

Войпель ударил посохом в каменную грудь высокой скалы.

Гул пошел по ущелью, и Пера услышал, как вздохнула скала и из нее послышался голос:

— Кто тревожит меня?

— Это я, чуткоухий Войпель, хочу знать, крепко ли закрыты пути, ведущие к каменному гнезду ветров.

— Крепки горы, окружающие твое обиталище, крепки мои плечи, подпирающие горы.

Утих гул в ущелье, и лишь быстрое эхо унесло слова в долину и там еще раз выкрикнуло их.

— Тайну силы Каменных гор знает один Кероспыкот — тот, кто подпирает гору, — сказал Войпель.

— Я узнаю у него эту тайну! — воскликнул Пера. — Укажи мне дорогу к Кероспыкоте.

— Она перед тобой, иди, если можешь, — ответил Войпель, указав на скалу.

Поднялась метель, Войпель закутался в белые вихри и пропал.

Пера остался один перед каменной скалой. Она была высокой до неба и гладкая, как лед в озере.

Взял Пера в руки свой верный, свой крепкий топор, ударил по скале, и брызнул камень, сверкнул лед.

Дрогнула скала, и снова послышался голос Кероспыкота:

— Кто тревожит меня?

— Это я, Пера, ступил на дорогу, ведущую в твое каменное жилище.

— Что тебе нужно, человек?

— Я хочу узнать тайну силы Каменных гор и стать таким же сильным, как они.

В ответ только засмеялся Кероспыкот:

— Я открою тебе эту тайну, но напрасно стремишься ты ее узнать. Не обрести тебе, человек, силы Каменных гор, не по плечу затеял ты дело.

— А может быть, по плечу, — сказал Пера. — Говори, Кероспыкот, я слушаю тебя.

Из самой середины Каменных гор глухо донеслись до Перы слова Кероспыкота. Тот, кто подпирает собой гору, проговорил:

— Сила Каменных гор в самом нижнем, самом последнем

камне. Кто пройдет до него сквозь горы и сдвинет его с места, лишь к тому перейдет великая сила Каменных гор.

...Трижды зима вымораживала землю, трижды весна звенела талой водой в лесах, и в тундрах, и в болотах; трижды лето цвело земляникой, трижды осень желтой листвой опадала на землю. Трижды огнекрылая птица Калёник собирала перелетных птиц в стаи и вела их по звездной небесной дороге к теплomu морю Сарыдзь.

А Пера все крушил скалу. Падали тяжелые глыбы вниз, заполняя глубокую пропасть: Пера шел к последнему камню.

Шел Пера, торопился — только в полдень отдыхал он, отложив топор, только в полночь засыпал на короткое время.

А с далекой реки, где шумит листвою береза, где плещет волна, перекатываясь через песчаную косу, на крыльях летучего ветра долетала иной раз заветная песня:

Кукует кукушечка
Среди темного леса.
Печалится девушка
У светлой реки.

Созреет ячмень —
Кукушка умолкнет.
А девушка милого
Все ждет у реки.

Но однажды на исходе третьего года ветер, прилетевший из земли Комму, принес в Товпозиз иную песню:

Ой, не знала я,
Где горе живет,
Ой, не ведала,
Где дорога к нему.
А теперь само
Пришло горе ко мне,
Пришло, нашло —
С пути не сбилось...

Словно прибыло сил у Перы от далекой песни, от печального голоса зовущей на помощь тоскующей Райды.

Теперь он не отдыхал в полдень, не спал в полночь, и скала дрожала от могучих ударов его топора, предчувствуя, что близок тот миг, когда Пера сокрушит ее каменную мощь и отнимет ее каменную силу.

И вот рухнула последняя глыба.

В отцовский пестерь положил Пера последний камень сокрушенной им скалы. В отцовском пестере унес он великую тяжесть и великую силу Каменных гор — Товпозиза.

Прямым путем через льды и снега на исходе третьего года ушел Пера из сурового края чуткоухого Войпеля. Тем прямым путем, которым водит птица Каленик серо-белых гусей со снежных пустынь к теплому морю Саридзь и от теплого моря Саридзь к снежным пустыням, тем путем, что пролег через леса и болота, через горы и овраги к милым пармам Комму.

*

В ненастное, хмурое утро подошел Пера к родной земле.

Взглянул он в одну сторону — чернеет темный лес, взглянул в другую — расстилается болото. На песчаных холмах стоят сосны, на кочках краснеют брусника и клюква. Та же парма, да не та. Не узнаёт Пера родимых мест: хмуро, несолнечно небо, неприветлив, темен лес, а переспелые брусника и клюква на кочках как кровавые слезы.

Долго стоял Пера на краю леса, все ждал: не проглянет ли из-за туч радостное солнце, не зазвенит ли лес птичьим щебетом, не донесется ли с ягодных полян ласковая девичья песня, не поднимется ли в небо легкий дым охотничьего костра.

Но темно было небо, молчалив лес, нем, как камень, неприютен, как осенняя ночь.

Тут увидел Пера, что от самого края леса, от поляны, от болота, идет в чашу чья-то охотничья тропа. Тропа пряма, как боровая сосна, и на всех деревьях вдоль нее — хитрые зарубки.

Пошел Пера по той тропе через лес.

Идет, по сторонам поглядывает. Летают вдоль тропы рябчики и тетерева, скачут белки и куницы, в кустах стоят олени и сохатые. Богата тропа дичью.

Вдруг услышал Пера в придорожных кустах робкий шорох: то ли зверь крадется, то ли человек.

— Эй! — крикнул Пера. — Кто там есть? Выходи на тропу! Шорох стих, а никто не откликнулся.

«Зверь убежал бы от оклика, — подумал Пера. — Значит, там затаился человек».

— Эй, добрый человек! — опять крикнул Пера. — Выходи на тропу! Ведь быстрее и легче по тропе шагать, чем лезть по бурелому да сухостю.

— Твоя правда, — слышался в ответ голос из кустов. — Только не смею выйти на тропу, боюсь. Не моя эта тропа.

— Дороги в лесу никому не заказаны, — сказал Пера. — Ходи где хочешь.

— А по этой тропе заказано людям ходить.

Чудными показались Пера эти слова: не было раньше в Комму такого обычая, не было запретных троп.

Свернул он с тропы, пошел на голос, к робкому охотнику.

Был тот охотник худой и тощий, как линияющая перепелка, кафтанишко был на нем рваный, лапти стоптанные, а котомка пустая.

Взглянул Пера на котомку — ведь умение охотника сразу видать по котомке — и усмехнулся:

— Рябчиков да тетеревов — хоть руками лови, белок да куниц — хоть мешком греби, а у тебя котомка пустехонька...

— Дичи много, — вздохнул охотник, — да Вэrsa не велит ее добывать. Забрал он себе все леса, оставил нас помирать с голода. Видать, чужой ты здесь человек, коли не знаешь про Вэрсу.

— Чужой не чужой, а не знаю.

Присели Пера и охотник на валежнике, и начал охотник свой рассказ:

— В тот год, как нагрянули в Комму туны и йомы с черных скал, одноглазый леший Вэrsa поставил свой лешачий треугольный дом на высокой горе у Кайского волока и пробил охотничью тропу через все леса.

Крепко-накрепко запретил он людям выходить на свою тропу и охотиться на ней темной ночью или средь бела дня. Нашлись смельчаки, не послушались и нарушили его запрет, да всех их лешак перебил без жалости.

Хозяиничает он по всем лесам, много зла делает людям.

То распугает и разгонит в лесу зверей и птиц, а то украдет у охотника правильную дорогу, и тогда бродит-бродит наш брат охотник по лесу и день и два, а всё без толку: ни добычи в котомке, ни просвета впереди. Ясно: водит его леший. Тогда уж не до добычи, рад бывает человек, если выберется живым из лесу.

Давно уже наши люди не перечат ему, ублажить стараются.

Говорят, что он любит пироги с рыбой и яйца от черной птицы, так у нас каждый день кто-нибудь печет пирог с начинкой из окуней или шарит по вороньим гнездам.

Принесут пирог и яйца в лес, сложат на осиновом пне, скажут:

«Ешь, Вэrsa, мы тебе угощение принесли. Ешь, а нас не трогай».

Прискачет Вэrsa, сожрет все, а потом еще злее лютует.

В своих-то лесах люди давно уже все зверье побили, а к его заповедным лесам и подступиться боятся...

Кончил охотник свой рассказ и вздохнул, заглянул в свою котомку — да много ли в ней увидишь, когда котомка пуста.

Натянул Пера свой лук из тугой крушины, зазвенела тетива, сплетенная из крепких лосиных жил, просвистела стрела, и на тропу упали сразу три подбитых рябчика.

— Возьми птиц, — сказал Пера охотнику, — нечего пустую котомку таскать.

— Что ты! Что ты! — замахал руками охотник. — Не нужно мне лешачьих рябчиков, своя жизнь дороже!

Подхватил охотник котомку и бегом от Перы, только затрещали кусты, зашуршала трава.

Невесело усмехнулся Пера, подобрал подбитых рябчиков, сложил в свой мешок и пошел дальше.

Шел-шел Пера по лешачьей прямой тропе, глядь — тропа направо уходит, а налево блестит река. Свернул он с тропы и вышел на берег светлой Камы.

Течет Кама-река меж густых лесов и зеленых лугов, в светлых волнах всякая рыба играет, а на берегу сидит старик рыбак. Подошел к нему Пера и спросил:

— Как, отец, рыбка ловится?

— Да вот с утра ловлю — три ершика выловил, — ответил старик.

— Что так? В прежние времена в Каме-реке рыба ходуном ходила.

— Сейчас тоже в Каме рыбы полно, да появился в наших краях Ва-Куль — водяной. Ни в Большой Каме, ни в Лупье-реке, ни в маленьких речках не дает промыслять рыбакам. Мórды поставишь, сети закинешь, а Ва-Куль рыбу разгонит, в мórды накидает песку, сети набьет травой. Давно уж мы рыбы досыта не едали.

Взялся Пера за старикову сеть, потянул — тяжело сеть идет.

— Ну, видать, на этот раз тебе повезло, — сказал Пера, — полна сеть.

Ничего не ответил рыбак. Стали они вытаскивать сеть вдвоем. Вытащили, а в ней воз черного ила и полвоза черной подводной травы.

— Вот тебе и рыба! — вздохнул старик.

И в это время забурила вода и со дна послышался хохот, как будто кто по дну начал камни катать.

— Что это? — прислушался Пера.

— Он смеется. Рад, что нас с тобой обманул, — тихо ответил рыбак.

Вытряхнул старик ил и траву и снова забросил сеть, а Пера пошел дальше.

Наступила темная ночь. Хоть вперед смотри, хоть назад смотри — ничего не видать.

Набрел Пера на краю поля на низкую крестьянскую избушку, нащупал дверь и постучался:

— Эй, есть ли кто-нибудь в доме?

— Входи, добрый человек, — отозвался из избы тихий голос, — гостем будешь.

Нагнулся Пера и кое-как втиснулся в избу.

Темно в лесу, а в черной избе еще темнее.

— Почему, хозяин, сидишь ты без света да в холоде? — спросил Пера.

— Нет у нас огня, добрый человек. Сами не заметили, как по всей земле Комму затушил очаги тун Пам, обрек людей на

мрак и холод. Один тун знает тайну, как зажечь огонь, да скрывает ее от людей. Вот мы и живем так: во тьме и холоде.

Вздохнул невидимый в темноте хозяин, вздохнул Пера.

— Накорми меня, хозяин, — попросил Пера.

Дал мужик Пере вяленого рябчика. Пожевал Пера рябчика, словно глины поел. Дал мужик Пере сухую лепешку из пихтовой коры. Откусил Пера кусок и не стал есть лепешку.

Усмехнулся хозяин:

— Непривычен ты, вижу, парень, к нашей еде. Погоди, поживешь у нас — и не то станешь есть. Мы тут так живем: день едим, два голодаем.

— Разве поля на южных склонах холмов перестали родить хлеб? — спросил Пера.

— Поля-то по-прежнему родят.

— Или сох у людей нет?

— Сохи есть, да пахать нечего. Все поля и весь хлеб на них давно уж не наши. Опутал тун Пам людей хитростью и черным колдовством. Отнял он у нас все наши поля. Мы пашем, мы сеем, а хлебушек складываем в его амбар. Жаден тун, цепки его руки, глотка у него, как бездонный колодец, зол и свиреп он, как взбесившийся медведь...

Невеселыми вестями встретила Перу родная земля — край Комму.

С каждым словом крестьянина все ниже и ниже опускал он голову.

А мужик продолжал:

— Нечего стало людям есть, негде жить: земли наши отнял Пам, в лесах наших хозяйничает Вэrsa, воды захватил Ва-Куль...

Ушли старые братья Кудым-Оша — Ошъяс и Мизя — с Иньвы в дальние места на Лупью-реку. Сами-то они, люди говорят, померли, а род их живет где-то на Лупье...

А иные люди ушли из селений в лес, вырыли там глубокие пещеры, подперли потолки в них подпорками и стали жить в норах, как звери.

Но и там нашли их проклятые туны и йомы с черных скал.

Тогда люди подрубили подпорки и похоронили себя с женами, детьми и со всем добром среди темного леса.

Много их теперь, таких могил, в пармах Комму, и мало людей...

Умолк мужик. Застонал Пера от боли и гнева.

Но мужик, помолчав, добавил:

— Говорят люди, что вернется в Комму Пера, сын мудрого Кудым-Оша, и тогда окончится власть злого колдовского племени над народом Комму. Только Перы нет и нет, а народу нашего остается все меньше и меньше...

Совсем низко склонил голову Пера и вышел из избы.

Высоко над пармой возвышается холм. Широко раскинулись вокруг леса — стройные сосновые боры, частые ельники, светлые березняки; далеко по низинам текут реки, лежат поросшие багульником болота. Где-то среди лесов и болот стоят селения, и прячутся в тени вековых деревьев охотничьи избышки.

Но во тьме не видать ни бора, ни ельника, ни березняка, ни рек, ни болот, ни селений, ни лесных избышек — вёр-керка. В холодной тьме тонет Комму.

И вдруг увидел Пера: далеко среди леса, среди непроглядной тьмы, словно злой волчий глаз, светится костер.

*

Пошел Пера напрямик через лес на огонь. Шел, шел и вышел к костру. Горит костер на полянке, висит над костром котелок, в котелке булькает вода, варится ужин.

А у костра сидит на валежине тун Пам, поглядывает в огонь, толстое брюхо поглаживает и свои злые думы думает.

Увидел тун Перу — зарычал, как взбесившийся медведь:

— Уходи отсюда, человек. Не для тебя свет моего костра, не для тебя тепло моего костра.

В злобе Пам разметал огонь, затоптал красные угли. Погас костер, и наступила тьма.

— Эй, Пам, не рычи на меня, как взбесившийся медведь: видал я кое-что страшнее тебя и то не боялся, — сказал Пера. — А правду ли говорят люди, что ты умен и хитер и тебе одному подвластен огонь в Комму?

— Правду говорят люди, — ответил Пам, — и умен и хитер я, и огонь мне подвластен.

— Люди говорят, а мне не верится. Ну-ка, покажи свою власть, зажги огонь. Если правду ты повелеваешь огнем, то отдам я тебе этот пестерь с великим сокровищем, которое подарил мне грозный повелитель ветров, сам чуткоухий Войпель.

Снял Пера с плеч тяжелый пестерь с заветной глыбой от сокрушенной скалы и положил на землю у своих ног.

— Давай скорее сокровище чуткоухого повелителя ветров, — нетерпеливо закричал тун и протянул длинную, как черная кочерга, свою руку к пестерю.

— Стой, Пам. Я видел, что ты можешь потушить огонь. А вот сможешь ли ты зажечь его?

— Ты не веришь мне? Так смотри!

Взял Пам в одну руку желтый камень, а в другую — черный и ударил камнем по камню.

Как звезды, посыпались искры, брызнули они на белый мох, вспыхнул белый мох желтым пламенем, побежал огонь по веткам, и вновь загорелся костер.

Бросил тун на землю свои камни и схватился за тяжелый пестерь. Тужился, тужился Пам, но не смог его поднять: не по силам оказалась ему богатырская ноша.

— Эй, Пам, — усмехнулся Пера, — давай помогу тебе.

— Помоги, парень.

Хоть и умен и хитер был Пам, только жадность его была сильнее ума, больше хитрости.

Поднял Пера свой тяжелый пестерь и положил его на спину жадному туну. Закачался Пам, повалился на землю, и раздавила его могучая глыба.

А Пера вышел на запретную лешачью тропу, взял в одну руку желтый камень, в другую — черный и ударил камнем по камню.

Как звезды, посыпались искры, брызнули они на белый мох, вспыхнул белый мох желтым пламенем, побежал огонь по веткам, и запылал веселый костер.

*

Сел Пера у костра на запретной лешачьей тропе и стал жарить рябчиков.

И вдруг зашумели-затрещали деревья, загудел лес, разнес-

ся по чаще страшный рев: «Ах-хай! Ах-хай! Ах-хай!» — и на свою тропу, меченную хитрыми зарубками, вышел одноглазый леший — мохнатоухий Вэrsa.

— Эй ты, голоухий, прочь с моей дороги! — закричал Вэrsa так громко, что с берез и осин посыпались листья, а с сосен и елей попадали хвоя.

— Коли надо тебе пройти — обойдешь стороной, а я где сел, там и буду сидеть, — ответил Пера.

Повернулся Вэrsa на своей вывернутой ноге, и поднялся ветер. В лесу повалились деревья, от костра до неба взвились искры, поднялись в воздух камни.

Но Пера сидел у костра, жарил жаркое, как будто вокруг не буря бушует, а дует легкий ветерок.

Посмотрел на него Вэrsa и сказал:

— Если не хочешь добром с моей тропы уходить, то давай силой мериться. Осилишь — будет твоя тропа, не осилишь — пойдешь ко мне в работники на всю жизнь работать тяжелую работу.

— Ладно, — согласился Пера. — А на чем будем силой мериться?

— Давай на палице тягаться, — сказал мохнатоухий леший Вэrsa.

Выдернул он десятивершковую елку, обломил ей вершинку и очистил ее от сучьев.

Сели Пера и Вэrsa друг против друга. Вэrsa взялся за один конец елки, Пера — за другой, и стали тянуть: кто кого перетянет.

Смекалист был Пера, зацепил он свой ремень за кедровый пень, что стоял у него за спиной. Берег Пера силы: знал — не с одним Вэрсой придется ему побороться.

Уперся Вэrsa ногами в землю, потянул раз — подался пень, потянул другой раз — затрещал пень на весь лес. Удивился Вэrsa, спросил Перу:

— Что у тебя за спиной трещит?

Ответил Пера:

— Это входит в меня с таким треском большая сила. Чем крепче ты тянешь, тем больше во мне силы прибавляется.

— Ты осилил, Пера, — сказал Вэrsa. — В тебя сила входит,

а из меня вся вышла: больше не могу тянуться. Владей моей тропой. Только дозвожь мне переспать ночь у твоего костра.

Позволил Пера Вэрсе переспать ночь у костра.

Наломали веток пихтовых, настелили их на землю и легли спать: Пера с одной стороны костра, а мохнатоухий леший Вэрса — с другой.

Лежат они, а не спят.

Вэрса хитрость придумывает, как бы Перу погубить, а Пера думает, как бы оборониться от лешачьей хитрости.

Леший спрашивает:

— Как ты спишь, Пера-богатырь?

Понял Пера хитрость лешачью и отвечает:

— Когда я сплю, то лежу как сосновый кряж, а изо рта у меня дым валит. А ты, Вэрса, как спишь?

— Когда я засну, то храплю так, что хвоя осыпается с деревьев.

Скоро заснул Вэрса. Понесся по лесу могучий храп, посыпалась хвоя и с елей, и с сосен, и со смолистых пихт.

Тогда поднялся Пера, положил на свое место толстый сосновый кряж, укрыл его своим шабуром, в изголовье положил дымящуюся головешку, а сам спрятался за кедр. Стоит и ждет, что будет делать леший.

Долго храпел Вэрса. Посреди ночи проснулся он, встал и посмотрел туда, где улегся спать Пера.

Лежит сосновый кряж под шабуром, от изголовья дымок вьется. «Спит Пера», — решил Вэрса.

Взял леший свое железное копьё, раскалил на горячих углях, потом подпрыгнул выше леса и ударил копьём в сосновый кряж.

Крепок был сосновый кряж, но силен удар — вонзилось железное копьё в кряж и застряло в нем.

— Ну и здоров же ты был, Пера, — сказал Вэрса, — а вот и тебе конец пришел!

Тогда взял Пера острую стрелу, натянул тугой лук и пустил стрелу прямо Вэрсе в сердце.

Страшно зарычал Вэрса, завертелся-закрутился черным вихрем, понесся на длинных своих ногах по лесу в свою треугольную избу на высокую гору, к Кайскому волоку.

*Тогда взял Пера острую стрелу, натянул тугой лук и пустил стрелу
прямо Върсе в сердце.*

Добежал он до порога треугольной избы и свалился мертвый.

И словно ожил безмолвный лес — зашумели сосны, зашестели белоствольные березы. Запели, защебетали птицы, понесли повсюду весть об избавлении лесного края от Вэрсы.

*

На рассвете вышел Пера на берег Камы и забросил в реку свою сеть.

В первый раз вытащил сеть — оказалась сеть пуста, в другой раз забросил — пришла сеть без единой рыбы, забросил в третий раз — и в третий раз опять ничего не попало.

Тогда перегородил Пера реку крепкой сетью от берега до берега и во всю глубину до самого дна. И стал он воду болтать-баламутить длинным шестом, загонять рыбу в сети.

Пошли по реке сильные волны, захлестнули берега.

На закате солнца потемнела вода светлой Камы, пошли по реке серые волны, плеснула волна до неба, и из черной пучины, из подводных илистых ям, с песчаных подводных равнин вынырнул возле Периной лодки-долбленки черный, мохнатый водяной Ва-Куль — хозяин вод земли Комму.

Разметал Ва-Куль седую бороду во всю ширь реки и в гневе спросил Перу:

— Эй, Пера, зачем ты воду мутить, мне покою не даешь?

— Хочу рыбы наловить и людей накормить, — ответил Пера.

— Эй, Пера, не смей мою рыбу ловить, убирайся с моей реки.

— Не твоя река, и не твоя в ней рыба. Еще наши деды по Иньве, да по Лупье-реке, да по Большой Каме плавали и рыбу ловили и нам промыслять завещали, — ответил Пера.

Еще больше разгневался Ва-Куль. Но когда увидел водяной, что Пера его не боится, то сказал:

— Давай, Пера, мериться с тобой силой: кто дальше под водой проплывет — того верх, того и рыба.

Согласился Пера мериться силой с Ва-Кулем. Так и порешили: кто нырнет дальше, тому и владеть и камской, и иньвеньской, и лупьинской рыбой.

Взмахнул оплетенными тиной седыми космами Ва-Куль и нырнул в темную воду. Забурлила за ним вода, и пошли круги во всю ширь Камы.

И Пера нырнул за ним.

Долго не показывался Ва-Куль над водой, наконец вынырнул за пять верст.

— Эй, Пера! — закричал Ва-Куль.

А Пера, что плыл за ним, вынырнул на версту дальше.

— Далеко ты ныряешь, Ва-Куль, — засмеялся Пера, — а не дальше меня.

Увидел Ва-Куль, что Пера вынырнул дальше его, и побоялся ему перечить.

— Победил ты меня, Пера, — сказал Ва-Куль. — Твои теперь все реки: и Иньва, и Лупья, и Большая Кама, и рыба в них твоя: можешь ловить сколько пожелаешь.

Схватил Пера Ва-Куля за мокрую бороду.

— Много ты зла наделал людям, Ва-Куль, — сказал Пера, — теперь пришло время расплаты.

Задрожал Ва-Куль, сжался. Был он в два раза больше Перы, а тут стал в два раза меньше. Заплакал Ва-Куль, залился слезами, стал просить Перу:

— Отпусти меня, Пера-богатырь, никому я больше худа не сделаю, ни тебе, ни людям...

— Ладно, отпущу, — согласился Пера, — если уйдешь ты навсегда в черное Адово озеро.

Рад был Ва-Куль, что хоть жив остался, навсегда покинул он Каму, и Иньву, и Лупью-реку, ушел в бездонное Адово озеро, что у Кайского волока, и никто его больше с тех пор не видел.

*

Через темные чащи и густые кустарники, через леса и перелески, через ручьи и озера шел Пера, словно лось, не знающий усталости. Он спешил к заветной березе, что склонила свои ветви над быстротекущей рекой, спешил к тихой лесной избушке, укрытой кедрами от дождя и снега, в которой жил старый охотник Бурморт со своей дочерью красавицей Райдой.

Вот и река, но не видно заветной березы, не слышать шума ее листвы, не видать белой одежды — срубили березу. А на

том веселом месте, где встретились Райда с Перой, теперь росла печальная серая ива. Серая ива — горбатая спинка, стоптанные лапоточки.

А за рекой и кедры видны, и старая вёр-керка. Но тихо под кедрами, и никто не отзывался на зов Перы, никто не отворил дверь и не вышел ему навстречу.

Поднялся Пера на крыльцо и сам открыл дверь.

— Есть ли хозяин в доме? — спросил Пера.

— И есть и нет, — раздался в ответ из темного угла тихий голос Бурморта. — Дышать дышу, а встретить гостя нет сил.

— Ты ли это, дядюшка Бурморт? — спросил Пера.

— Я, добрый человек, — отзывался Бурморт из темного угла. — А тебя что-то не признаю... Из деревни ты, что ли?

— Я — Пера!

— Пера... — повторил Бурморт и, тяжело вздохнув, заплакал.

— Что за горе стряслось, дядя Бурморт?

— Великое горе, Пера: за всю осеннюю долгую ночь снов о нем не пересмотришь, за весенний длинный день про него не расскажешь... Ждала тебя Райда, как лазоревые цветы ждут ясное солнце, каждый день выходила на край леса и все глядела, не покажешься ли ты на дальнем холме. Но однажды не вернулась она домой...

Печально смолк Бурморт, но Пера в нетерпении торопил его:

— Что же случилось с ней? Говори, Бурморт.

— Добрался и до наших мест Лесной Человек — Яг-Морт. Приходил он в селения огромный, как столетняя ель, черный, как печной уголь, избы рушил, людей убивал, скотину уводил. Люди в леса от него попрятались, и тогда стал он по лесам людей искать. Ходила Райда тебя встречать, а повстречала в лесу Яг-Морта. Не сватал Яг-Морт красавицу, не дарил дорогой свадебный подарок — схватил он Райду черными руками, поднял, как легкую белку, и утащил неведомо куда, видать, за болото, в свою пещеру...

...Принес Пера Бурмарту воды из ручья, оставил рябчиков, рыбы, а сам пошел в деревню.

Пришел Пера в деревню и громко крикнул:

— Эй, люди земли Комму, выходите из домов, выходите из землянок! Я — Пера, сын Кудым-Оша, — зову вас.

Вышли на зов Перы люди из домов, вылезли из землянок.

— Из далекого сурового края ветров вернулся я в родную землю Комму, — сказал Пера. — Берите, люди, свои луки и стрелы, поднимайте острые копья и тяжелые палицы, зову я вас на жестокий бой со свирепым Яг-Мортом, что приносит горе повсюду, где только ступит его нога.

— Зачем зовешь ты нас, Пера? Не помощники мы тебе. Или не видишь, как ослабли мы? У нас и глаза не глядят, и руки не поднимаются, и ноги не ходят. Кабы, как в прежние времена, хлеба пожевали, рябчиков поели, ушицы похлебали да у огня погрелись — вернулась бы к нам наша прежняя сила... Но нет рябчиков — не дает нам охотиться мохнатоухий хозяин леса одноглазый Вэrsa, нет рыбы — не дает ловить рыбу водяной Ва-Куль, нет у нас огня — владеет им тун Пам...

Поглядел Пера в глаза людей и увидел в них печаль и отчаяние.

Тогда достал Пера из котомки два камня, желтый и черный, ударил камнем по камню. Как звезды, посыпались искры, и загорелся посреди деревни костер.

Сказал Пера:

— Владел огнем тун Пам, а теперь вы, люди Комму, владейте огнем.

Разбил Пера огненные камни туна на множество кусков и роздал всем людям по куску желтого камня и по куску черного.

С тех пор стали люди Комму носить в мешочке на поясе огниво, а в огниве — огонь.

Загорелись в деревне очаги: стало у людей веселее на сердце.

Достал Пера из котомки рябчиков и рыбы, отдал людям и сказал:

— Убил я мохнатоухого Вэrsa острой стрелой: теперь все леса ваши и вся дичь в них ваша. Прогнал я Ва-Куля в черное Адово озеро, что у Кайского волока: теперь все реки и озера ваши и ваша вся рыба в них.

Совсем взбодрились люди. Вспомнили старики былые времена и былую удаль, почувствовали молодые парни в себе новую силу.

Взяли парни и мужчины народа Комму свои луки и стрелы, взяли острые копья и тяжелые палицы и пошли с Перой в неприступные места, за непроходимые болота, где, как говорила молва, была пещера Яг-Морта.

Прошли они темный бор, миновали частый березняк и вышли к гиблым болотам.

Нет по тем болотам прохода людям до самой студеной зимы, пока не скует мороз трясины, пока не схватит крепким ледяным мостом бездонные топи и пучины.

Но знал Пера неприметную звериную тропу — пролаз шириной в один человеческий след. Тропа в след, а по обеим сторонам — трясина.

Чахли березы на кочках, чернела топь.

Провел Пера парней и мужчин народа Комму через гиблые болота в черные леса.

Долго бродили они по тем лесам, долго искали тропу Лесного Человека и наконец напали на дорогу, протоптанную Яг-Мортом среди дремучего леса.

На берегу Иньвы засели в кустах и стали ждать, когда покажется Яг-Морт.

Долго сидели в засаде, слушая шум леса.

Наконец затрещали деревья, раздвинулись вековые сосны и из чащи показался Яг-Морт.

Повернул он свое страшное, заросшее волосами лицо к тем кустам, где сидела засада, глянул налитыми кровью, как у бешеного быка, глазами, дрогнули сердца у самых смелых.

Перебрался Яг-Морт через реку вброд (река глубока, а Яг-Морту по колено) и ступил на берег, волоча за собой свою тяжелую палицу.

Навстречу Яг-Морту из засады вышел Пера и первым метнул в него свое копьё.

Заревел Яг-Морт, заглушил и шум лесной, и дальний гул, и плеск реки, взмахнул своей палицей и кинулся на Перу.

Тут полетели в Яг-Морта и копья, и стрелы, и камни, выскочили люди из засады, и началась битва.

Заревел Яг-Морт... взмахнул своей палицей и кинулся на Перу.

Как о скалу бились и отскакивали камни от могучей груди Яг-Морта, не страшней комариных укусов были для него раны от острых копий.

Целый день длился бой. Немало голов сокрушила палица Лесного Человека.

Алой кровью замутилась Иньва-река. Полегли раненые на зеленом берегу, полегли в зеленых кустах.

Только Яг-Морт и Пера все еще на ногах стоят и бьются тяжелыми палицами.

Но обломилась палица у Яг-Морта.

Нет такого обычая, чтобы против безоружного с оружием сражаться. Отбросил Пера свою палицу в сторону.

Схватились Пера и Яг-Морт врукопашную.

Оступился Яг-Морт и упал.

Нет такого обычая, чтобы упавшего бить. Разжал Пера руки, отпустил Яг-Морта.

Но не встал Яг-Морт на ноги, а, зашипев змеей, выхватил нож из-за пазухи и размахнулся, чтобы метнуть его Пера в грудь. Да перехватила чья-то крепкая рука острый нож, и упал нож на землю.

Оглянулся Пера и увидел перед собой русобородого, широкого в плечах охотника.

— Кто ж ты такой, неожиданный друг? Какого племени? Как зовут тебя? — спросил Пера.

Ответил русобородый охотник:

— Я с Руси, из Орла-городка, а зовут меня Степан. Охотился в ваших лесах, да и забрел на Иньву. Издалека услышал шум и гром богатырского боя, а как подошел ближе, увидел твою удал молодецкую и узнал Яг-Морта повадку черную. Ведь и до нас дошла молва про него.

Поклонился Пера Степану.

Побратались Пера и Степан на поле битвы, кровью скрепили братство на веки вечные.

А Яг-Морт лежал распростертый на земле, и не было у него силы встать.

У побежденного сила убывает, у победителя прибывает. Поднялись раненые парни и мужчины, окружили поверженного Яг-Морта.

Взмолился Яг-Морт, стал просить о пощаде.

— Веди нас в неприступные места, к твоей пещере, — сказал Пера Яг-Морту, — веди туда, где спрятал похищенных тобой людей.

Покорился Яг-Морт и повел людей туда, куда еще никогда не забредал по доброй воле ни один человек, в неприступные места, за непроходимые болота — в свои владения.

Привел Яг-Морт людей к своей пещере.

Страшное это было место. Далеко вокруг горами лежали звериные и человечески кости.

А из пещеры слышались глухие стоны: там во тьме сидели похищенные Яг-Мортом люди и ждали того страшного часа, когда их убьет и съест Лесной Человек.

Подбежал Пера к черной пасти пещеры, глянул во тьму — ничего не увидел, зажег смолистый сук — осветило пламя лишь камни у входа.

Закричал Пера:

— Райда!

Но никто не отозвался на зов.

— Райда! — крикнул Пера снова.

Только лес, и скалы, и река три раза повторили зов Перы: «Райда! Райда! Райда!..»

Вышли люди из черной пещеры, только не было среди них красавицы Райды.

Не видали ее старики, что уж много лет томились у Яг-Морта, не видали молодые.

— Нет, не переступала она порога проклятой пещеры, — говорили все.

Задумался Пера: «Где же ты, Райда, невеста моя? Плакать мне или радоваться судьбе твоей?»

Обступили люди Яг-Морта:

— А ну, говори, злодей, что стряслось с Райдой? Какими муками ты извел ее?

— Не замучил я ее, не убил, — ответил Яг-Морт.

— Так где же она?

— Не знаю...

И поведал Яг-Морт о том, что произошло в день, когда Райда попала к нему на глаза.

Приглянулась Яг-Морту девушка, стал он ее уговаривать: «Не бойся, красавица, не убью я тебя, возьму за себя замуж. Будешь у меня жить в богатстве, носить драгоценные украшения, что хранятся в моей пещере...»

Но не слушала его Райда, заливалась слезами горячими, на него глядеть не хотела.

Подхватил ее Яг-Морт на руки и понес через леса и реки.

Несет он ее, а она по сторонам смотрит. Увидела елки и говорит:

«Ах, лучше бы я елочкой стала. Елки, елки, возьмите меня к себе, буду я вам ласковой дочкой!»

Елки протянули к ней лапы, да схватить не успели — убежал Яг-Морт.

Увидела Райда камни под горой и говорит:

«Лучше бы я стала тяжелым камнем. Камни, камни, подвиньтесь, пустите и меня под гору на мягкий мох, буду я вам заботливой сестрой!»

Подвинулись камни, да перепрыгнул Яг-Морт через них, унес Райду.

Увидела Райда птиц над лесом и говорит:

«Лучше бы я серой пташкой стала. Птахи лесные, птахи полевые, возьмите меня к себе, буду я вам веселой певуньей-подружкой!»

Откуда ни возьмись, налетели птахи лесные, птахи полевые, принялись кружиться вокруг Яг-Морта, как летняя мошкара: ни скрыться ему от них, ни отбиться; он быстрее бежит, и птицы не отстают. Стал он отмахиваться, руки разжал — порхнула Райда из его рук серой лесной пташкой и улетела.

*

Загрустил Пера и порадовался, порадовался и загрустил...

Ушел Пера с Иньвы на Лупью-реку, в глухие и бездорожные места.

Поставил Пера там себе избу среди пармы, на высоком берегу. И стал жить один-одинешенек. Хозяйства своего он не заводил, даже в избе не всегда ночевал: принесет из лесу два толстых сосновых бревна, в одном выдолбит желоб во всю длину, разведет в нем огонь, а другим бревном накроет. Вот

и готов костер — нóдья. Горят смоляные бревна не быстрым пламенем, а жаркими угольями, горят, целую ночь не сгорают. Тепло возле сосновой нодьи, и ветер ее не задувает, и дождь не тушит.

Из трехсаженной звонкой ели Пера согнул себе трехсаженные лыжи. На тех лыжах исходил он многие леса от Камня до Кая, от Иньвы до Вишеры, повсюду проложил охотничьи тропы, наставил лесных избушек.

Возвращался Пера с лесованья с богатой добычей и делился добычей со стариками, с сиротами, со всеми, кто сам не мог работать и лесовать.

А над землей Комму наконец-то взошло солнце.

Много добра, много сокровищ было в пещере Яг-Морта, но люди ничего не взяли себе — всё снесли в одну кучу и сожгли, Яг-Морту отрубили голову, а его пещеру засыпали землей и завалили камнями.

Когда победили люди Яг-Морта, великий страх объял все злое племя пришельцев с черных скал. Под покровом ночи побежали туны и йомы из земли Комму туда, где не живут люди, — в белые пустыни и в черные болота. Там они и сгнули.

Вернулись люди на свои поля, снова у охотников появилась в пестерях добыча — лесной зверь и птица, снова сети рыбаков наполнились серебряной рыбой.

С высокого берега далеко виден Пере лесной край.

Шумят вокруг сосновые боры, пушистые ельники, светлые березняки, щебечут, перекликаются вокруг птахи лесные. И чудится Пере, слышит он не птичий щебет, а голос Райды. Блестят серебряной волной реки, чернеют болота, виднеются деревни среди полей, а среди леса, на охотничьих тропах, лесные избушки — вёр-керка.

Край Комму, милый сердцу край! Весь он виден Пере с высокого берега. По лесам и рекам он, и в сердце он. Восходит солнце над родным краем, восходит и в сердце.

*

За Перой на Лупью пришли люди, поселились в деревне Мод-горт.

Зимой задумал один мужик ставить избу и позвал соседей

на помощь и Перу позвал. А Пера никогда в помощи не отказывал.

Собрались помочане, поехали в лес.

Нарубили мужики бревен, нагрузили сани, а Пера на свои сани навалил такие кряжи, что его конь не смог стронуться с места.

Один мужичишка, по прозвищу Кузь-длинный, посмеялся:

— Ну и лошадь у тебя, Пера!.. Не лошадь, а кошка!

Ничего ему Пера не ответил. Выпряг он коня, взялся за оглобли и сам потащил тяжелый воз.

Позвала хозяйка всех помочан ужинать. Уселись мужики за стол, взялись за ложки. Налила хозяйка похлебки, отрезала мужикам хлеба по ломтю, а Пера — полкаравая.

Обидно показалось Кузю, что хозяйка дала Пера и ложку самую большую, и хлеба самый большой кусок. А как начала хозяйка помочан брагой обносить, всем брагу ковшом черпала, а Пера — ведром. Тут совсем обиделся Кузь, стал задираться, стал опять над Перой подсмеиваться:

— Ешь-пьешь ты, гляжу, много и в работе силен, а лошаденка у тебя срам один...

Ничего не ответил Пера, встал из-за стола, поклонился хозяйке, шапку, рукавицы взял — и на улицу.

Поели-попили помочане, с хозяйкой раскланялись и разошлись по домам.

Вдруг крик по деревне. Кузь-длинный на всю деревню кричит:

— Ой, лошадь пропала!

Собрался народ:

— Что случилось?

— Привез я из лесу дров. Поставил воз во дворе, а он как сквозь землю провалился: ни саней, ни дров, ни лошади!

Удивляются люди: что такое? Воровства в Комму не водилось.

А тут вроде как бы сверху откуда-то лошадь заржала. Задрали мужики голову и видят: стоит лошадь вместе с возом на крыше Кузиной избы, машет хвостом, на мужиков поглядывает.

Стоит лошадь вместе с возом на крыше Кузиной избы, машет хвостом, на мужиков поглядывает.

Взвыл тут Кузь:

— Не иначе, это Пера надо мной подшутил. Что мне теперь делать-то? Как лошадь с крыши снять?

Что делать? Делать нечего, надо к Пера на поклон идти.

Пришел Кузь к Пера, поклонился, попросил его снять лошадь с крыши.

А Пера сидит на лавке, в бороду посмеивается:

— Зачем же ты моего коня кошкой называл? Моя лошадь по крышам не лазит, а твоя — глянь, куда забралась, не всякая кошка эдак изловчится...

Поглядел Пера в окно: вся деревня собралась возле Кузиной избы. Мужики, бабы и ребяташки пальцами на крышу показывают, хохочут — смех по деревне будто гром грохочет.

Пошел Пера к Кузиному дому, снял лошадь с крыши, снял сани, поставил на землю и сказал:

— Так и быть, прощаю тебя, а в другой раз не задирайся.

...Закуковала в бору кукушка, запели птицы на золотой иве, на зеленой с серебряными почками березе. Разлилась Лупья-река, подступила к самому лесу.

Согрело солнце поля на пологих склонах холмов, обращенных к полдню.

А над полями день-деньской звенит жаворонок: «Чир-лик, чир-лик — сеять пора, сеять пора, если хочешь быть с большим урожаем».

До ранней зорьки подняла людей крестьянская забота, и Пера тоже вышел вместе со всеми.

На всех полях костры кúrятся, на всех полях люди трудятся, одно лишь поле пусто — не видать на нем никого, не выкорчеваны на нем старые пни, и заросло оно молодым кустарником. Поглядел на него Пера и вздохнул: не вспахано поле — беда в доме.

— А жив ли хозяин этого поля? — спросил Пера.

— Жив, — ответили ему. — Хозяин этого поля — старый дед Нартитом.

— Почему же тогда поле пусто и никто работать не вышел, или нет у деда помощников?

— Есть у деда сын, да нет от него толку.

— Что ж он — хворый, калека?

— И не хворый он, и не калека, только не любит сын деда Нартитома — Кузь-длинный — работать...

А Кузь в это время только глаза продрал. Нет в доме ни полена дров, ни пригоршни муки, один Кузь лежит, как поле-но, на лавке.

Стал отец его корить:

— Ах ты, горе мое!..

— Чем я плох? Или не красив? — обиделся Кузь.

— Может, и красив, да день и ночь к стенке носом ле-жишь — людям лица не показываешь. Вставай-ка да иди на поле работать.

— Туда дорога идет через лес, еще заблужусь...

— Надо поле чистить, лес рубить.

— Топор затупился.

— Надо подсеку жечь.

— Огня нет.

— Надо поле пахать.

— Соха сломана.

— Надо пашню засеять.

— Семена не выращены.

Повернулся Кузь на другой бок и захрапел.

Плюнул отец: засел Кузь за печкой, как сосновый пень, и двенадцатью жердями его не выкорчуешь. Пошел старик сам на поле.

Не вспахано поле — беда в доме.

Да много ли дряхлый дед наработает! Пока до поля до-брел, устал, сел на меже и заплакал.

Тогда взял Пера топор, начал лес чистить. Столетние сосны он под корень вырубает, пни руками корчует, кусты с корнями выдергивает.

Расчистил он поле, запалил костер до неба. Сгорел лес и отдал землю под пашню.

А тут и Кузь показался — видать, выспался.

Принялся отец его стыдить.

Обиделся Кузь, схватился за топор:

— Чего рубить? Чего корчевать?

Оглянулся он вокруг, а на полях ни одного дерева, ни одно-го пня — все Пера свел.

Бросил Кузь топор на землю:

— Что же мне ничего не оставили?

Засмеялись люди:

— Ну и богатырь! Силен спать, здоров храпеть!

Пошли мужики распахивать поля, а посреди полей лежат груды камней. Какие камни поменьше, те они выбросили на межи, какие побольше, вдвоем да втроем с поля вынесли, но остались лежать посреди пашни огромные, тяжелые глыбы: как ни бились, ничего не могли с ними поделаться.

Пошли пашни криво-накосом: где чистая земля — прямым рядом, где камень — пьяной тропкой.

Посмотрел Пера, и не понравилось это ему. Подошел он к самой большой глыбе, навалился плечом, стронул с места. Потом взял в руки, поднял над головой (ноги-то от тяжести по колено в землю ушли) и бросил с горы прямо в Лупью-реку. Плеснули брызги до неба, и лег камень посреди реки.

Не мелка Лупья-река, а камня всего не покрывала. До сих пор видать его, когда после паводка вода спадает.

*

Много ли, мало ли времени прошло, как-то раз вернулся Пера из лесу и увидел: возле его избы стоит тройка. Добрые сани, да разбитые, добрые кони, да усталые: видать, немало верст проскакали они, пока добрались до Мод-горта.

Зашел Пера в избу — никого не видать.

— Эй! Кого занесло ко мне? — спросил Пера.

Зажег он лучину, посмотрел на полаты — а там мужик спит. Проснулся мужик, спрыгнул на пол:

— Здорово, брат Пера! Или не признал?

— Здорово, брат Степан! Как не признать!

Усадил Пера дорогого гостя за стол, напоил-накормил, спросил, зачем он пожаловал.

— За тобой приехал, брат Пера! — отвечает Степан. — Не сам приехал: русский царь послал меня за тобой.

— Какая нужда во мне русскому царю?

— Великая нужда. Напали на наш город злые враги — ордынцы. Изладили они хитрое колесо: катается то колесо по полю, давит людей без жалости. Побило-подавило оно

великое множество наших воинов. Воеводы думали, бояре думали, царь думал, как одолеть колесо, ничего не придумали. Вот ведь беда какая!.. Рассказал я царю про тебя, Пера, какая силища у тебя огромная, какая смелость небывалая, и повелел мне царь призвать тебя русскому войску на подмогу, врагам-ордынцам на погибель...

— Ладно, брат Степан, — говорит Пера, — когда кони твои отдохнут, отправимся биться с ордынцами.

За ночь отдохнули кони, и утром Пера со Степаном стали собираться в дорогу.

Достал Пера из укладки еще не ношенную белую холстинную рубаху, толстые порты волоконные, чулки шерстяные черные, скуты синие суконные, которыми для пущего тепла окутывают ноги поверх чулков, из сеней принес новые лыковые лапти, из подклети вынес меховой, собольего меха, совик и меховую шапку.

Оделся, обулся Пера, а тут и Степан уже готов, коней запряг, его поджидает.

Говорит Пера Степану:

— Сел бы я с тобой в твои сани, прокатился бы на твоих конях, да боюсь, легкие сани подо мной подломятся, на неезженной дороге кони с места не сдвинутся. Поезжай-ка ты один, а я напрямик через лес побегу на своих еловых лыжах, все равно в городе буду прежде тебя.

— Что ж, коли так — ступай на лыжах, — говорит Степан. — Только город-то большой. Как я в нем найду тебя?

— Где встану, там свои трехсаженные лыжи в снег воткну. Их, чай, издали заметишь.

Хлестнул Степан лошадей, помчался по дороге, а Пера побежал на лыжах напрямик через лес.

Прибежал Пера в город раньше Степана.

Выпил он в придорожном кружале бадейку вина, съел десять сельниц пельменей, закутался в меховой совик и, не говоря никому ни слова, завалился спать прямо на снегу. А лыжи воткнул рядом в сугроб.

Торчат лыжи выше всех крыш. Сбежались посмотреть на это чудо жители со всего города и со всех посадов. Одни росту Перы удивляются, другие опасливо переговариваются:

— Кто таков?
— Уж не с орды ли?
— Силы-то, видать, великой...
— Как бы он наши домишки не порушил... Как бы зла
какого не наделал...

— Надо связать его.

Принесли мужики крепкие веревки, принесли сыромятные ремни, связали Пера руки-ноги.

Три дня и три ночи спал Пера, а проснулся да потянулся — лопнули, порвались все ремни и веревки.

Ну, народ и разбежался кто куда.

В это время подъехал на тройке Степан.

Повел Степан Перу к русскому царю.

Царь сказал Пера:

— Вижу, что ты и впрямь могуч. Выйдешь завтра на бой с ордынским колесом?

— Ладно, — ответил Пера, — выйду.

— Какое тебе, Пера-богатырь, надобно оружие?

— Я себе оружие сам добуду, — ответил Пера.

Повелел царь устроить Перу на ночлег в самом лучшем доме. Побежали царские слуги, постелили на еловой кровати пуховые перины, покрыли соболиными мягкими одеялами.

Спросил царь:

— Хорошо ли тебе, Пера, будет здесь спать?

Посмотрел Пера на высокие перины, тряхнул соболиные одеяла и отвечает:

— Не нужна мне пуховая постель — хвоя-то пихтовая мягче, не нужно соболиное одеяло — у меня совик теплый, я лучше пересплю ночь не в дому, а на воле, у нодьи сосновой.

Запалил Пера нодью и лег спать среди двора.

*

Наутро, едва поднялось солнце, среди большого поля перед городской стеной началось сражение.

Встало войско русское грудью к неприятелю. А впереди войска встали русские богатыри и Пера с ними.

Поначалу стали враги из луков стрелять.

А богатыри говорят:

— Ой, что-то комарики покусывают!..

Стали враги копья метать.

А богатыри говорят:

— Ой, что-то оводы кусаются!..

Тогда пустили враги свое хитрое колесо. Покатилось оно на русское войско.

Подставил Пера колено, стукнулось об него колесо и откатилось обратно.

В другой раз пустили враги колесо.

Подставил Пера другое колено, стукнулось об него колесо и откатилось обратно.

Тогда подошел Пера к большой избе, приподнял ее за угол, вынул из нижнего венца самое толстое бревно.

— Вот мне и палица по руке! — сказал Пера. — Теперь можно бой начинать...

Пустили враги-ордынцы колесо в третий раз. Подняли русские богатыри кто копье, кто меч, кто палицу, а Пера поднял свое бревно. Ударили по колесу все разом.

Дрогнула земля, гром за леса, за горы покатился, а ордынское колесо разлетелось в мелкие щепки.

Возликовало тут все русское войско. Закричали воины:

— Ура-а-а!

Никогда не слыхал Пера такого слова. Подумал он, что неладно что-то сделал, кинул свое бревно и бросился бежать.

Насилу догнал его Степан на коне. Уговорил — привел к царю.

— Спасибо тебе, Пера-богатырь, за помощь твою, — говорит русский царь. — Проси теперь награду, какую хочешь: хочешь серебра, хочешь золота, хочешь дорогих мехов.

— Помогал я русским без корысти, ради дружбы с ними, — отвечает Пера. — Мне в лесу не нужно ни серебра, ни золота, а мехов я сам себе таких добуду, каких ты в глаза не видывал. Вот ежели дашь мне снасть охотничью и кочедык, чтобы лапти плести, — скажу спасибо.

Повелел царь принести сети крепкие, тенета шелковые, чтобы мог Пера ловить ими и птиц и зверей, повелел принести кочедык золотой, чтобы плел Пера лапти себе по ноге.

Принесли слуги тенета и кочедык. Отдал их царь Пера.

Взял Пера сеть да тенета шелковые, а кочедык назад отдал:

— Хорош кочедык золотой, да мал: лапти им не сплетьшь. Ежели бы по моей мерке кочедык-то изладить.

Велел царь сделать кочедык по Периной мерке. Взялись царские кузнецы за работу и выковали кочедык в десять фунтов.

Сложил Пера царские подарки в котомку, попрощался со Степаном, с богатырями русскими, встал на свои трехсаженные лыжи и тронулся в обратный путь.

Долгие годы потом лесовал Пера в родном краю, и народ за ним жил не в обиде.

Но однажды Пера сказал людям:

— Много лет я прожил, много верст по земле исходил, много зверя промыслил, чем мог людям помогал, а теперь наступил мой срок.

Ушел Пера в парму за Мод-горт, и больше его не видели. Говорят, на берегу Лупьи заснул он богатырским сном и окаменел. Стал богатырь крепкой скалой.

Бежит у ног его Лупья, плещут волны, рассказывая, что повидали на пути своем. Дуют ветры, приносят песни, что поют люди в ближних и дальних селениях.

А народ — от Кая до Камня, от Вишеры до Иньвы, и в пермских, и в зырянских, и в русских деревнях — до сих пор вспоминает Перу-богатыря с Лупьи-реки добрым словом.

Не забыли люди Перу. Народ-то, он добро всегда помнит!..

